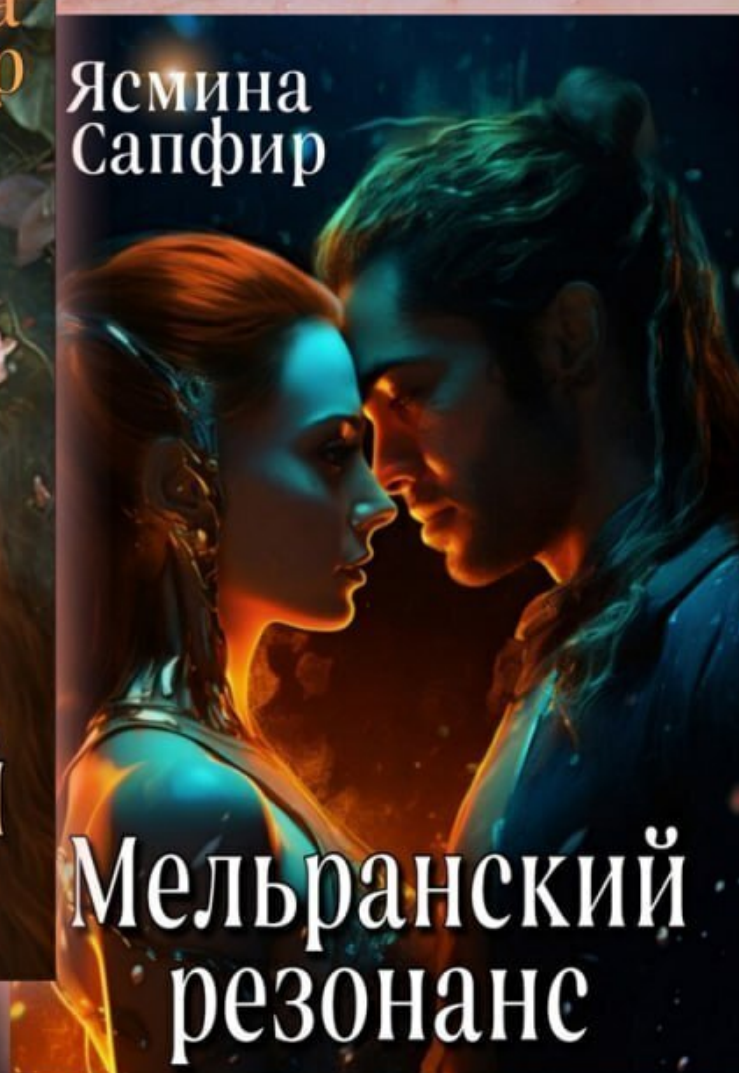

СБОРНИК

Ясмينا Сапфир

Космическая Одиссея

семьи Саркатта

Мельранские истории

Ясмина Сапфир

**Сборник. Космическая
Одиссея семьи Саркатта**

«Автор»

Сапфир Я.

Сборник. Космическая Одиссея семьи Саркатта / Я. Сапфир — «Автор», — (Мельранские истории)

Мельранский мезальянс Елисса – индиго, прожившая не один десяток лет, одинокая и самодостаточная. Единственная, кем она дорожит – это давняя подруга Мелинда, тоже индиго. Но Мелинда влюбляется в красавца-инопланетянина, беременеет от него, хотя это и считается невозможным, и теперь ей грозит смерть. Брат любовника Мелинды – Рейгард – предлагает Елиссе сделку. Смогут ли они найти общий язык, понять друг друга и сохранить взаимопонимание в обществе высокомерной аристократии с Мельрании, для которой любые отношения с землянкой – ужасный мезальянс. Мельранский резонанс Милана легла на операцию, а очнулась в далеком будущем, на планете Мельрана. Эксперименты здешних ученых сделали из нее индиго, а оживил ее... один из очень богатых и влиятельных местных жителей. Милана оказывается втянута в невероятные приключения. Один родовитый мельранец хочет сделать ее инкубатором для своих детей. Другой – своей женщиной, а кое-кто – спасительным кругом. А еще... еще Эймердина Саркатта, знатная и высокородная мельранка, выступит в роли амазонки...

© Сапфир Я.

© Автор

Содержание

Ясмينا Сапфир	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	29
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ясмينا Сапфир

Сборник. Космическая Одиссея семьи Саркатта

Ясмينا Сапфир
Мельранский мезальянс

Глава 1

– Лиса! Я беременна! От этого проклятого инопланетника! – не каждый день слышишь такое от лучшей и единственной подруги. Я распахнула дверь, приглашая Мелинду в квартиру.

Она шмыгнула, вытерла нос розовым кружевным платочком и вошла, небрежно скинув туфли-лодочки.

Впервые за наше знакомство подруга – девушка-праздник – выглядела маленькой, забытой и несчастной.

Мелинда бросила взгляд в овальное зеркало с резной рамой и шмыгнула еще раз, нервно теребя длинные белокурые волосы.

Черная подводка вокруг ее широко распахнутых голубых глаз растеклась и размазалась по лицу. Я приобняла подругу, как могла аккуратней и повела на кухню, как потерянного ребенка.

Такой она мне сейчас и казалась – девочкой-припевочкой, которую жестокая жизнь внезапно столкнула с суровой реальностью. Странно, нелепо, но факт.

Мелинда едва передвигала ногами с удивительно маленькими для женщины среднего роста стопами и, кажется, даже вздрагивала.

Сердце защемило. Я помогла подруге присесть к столу и придвинула ей угощение.

Любимые мелиндины безешки – сама пекла – и крепкий черный чай с бергамотом.

Подруга осторожно откинулась на кожаный уголок, цвета красного дерева, и сжала руками большую белую чашку с ароматным напитком.

Я присела в кресло, напротив, чувствуя себя беспомощной и от этого очень злой. Даже кулаки невольно сжались.

– А ты уверена? – Спросила вкрадчиво, стараясь не обидеть.

Слухи о том, что мельранцы – прародители человечества – бродили по Галактическому союзу с момента его создания. Многие предполагали, что мы биологически совместимы, и при удачном стечении обстоятельств человеческие женщины вполне смогут забеременеть и даже родить от мельранца ребенка. Но... до сих пор ни одного документально подтвержденного случая не было. А если и были, то их тщательно скрывали от простых смертных. И даже от непростых, вроде нас с Мелиндой.

Нас угораздило родиться индиго.

Странная раса до сих пор исследовалась научными светилами Союза, и знали о ней даже меньше, чем о некоторых инопланетниках.

Отчасти виной тому были и мы сами. Давным-давно индиго договорились тщательно скрывать способности от других рас. Не хотелось бы попасть в какую-нибудь секретную лабораторию в качестве подопытной крысы или на не менее секретную правительственную службу.

Благо, большинство сверхспособностей индиго открывались уже в очень зрелом возрасте – лет в сорок, а то и в шестьдесят.

Кто-то начинал управлять электричеством, и при желании, бил недругов током, как я. Кто-то открывал в себе дар лечить, кто-то, напротив, «наводит болезни», «записывать их в ауру». Одни воспринимали чужие эмоции, другие внушали их, а третьи заставляли окружающих видеть и слышать то, что им хотелось.

Самые сильные индиго, очень редкие, скрывающиеся больше всех, назывались плазменными. Они могли исцелить безнадежно больного, вытащить практически с того света.

Почему мы все такие разные, как и откуда берутся невероятные способности индиго, оставалось загадкой.

Даже современная медицина, с ее супераппаратурой оказалась бессильна толком исследовать нашу расу.

О нас знали, что мы очень долго живем. Сколько именно, никто не ведал, даже мы сами. Я слышала про тысячелетних сородичей, и даже полуторатысячетных...

Но чем старше был индиго, тем менее охотно общался он с «новой порослью». Кто знает... может на просторах Галактического союза прятались и более древние сородичи.

Ученые «запротоколировали», что мы «хладнокровные», в прямом смысле слова, с температурой тела на шесть-восемь десятых градуса ниже нормальной, человеческой.

И что многие из нас общаются друг с другом телепатически. Вот и все.

Мелинда отпила немного чая, проглотила слезы и протянула:

– И ладно бы, он нормально отнесся! Гаденыш предложил деньги на аборт или на воспитание. И потребовал, чтобы я написала официальный отказ от претензий!

Я все еще пребывала в каком-то шоке. Новости лились на голову как ледяная вода из ушата. И каждая следующая была хуже предыдущей. Так уж вышло, что за долгие годы жизни я потеряла всех родных и близких. И Мелинда оставалась единственным дорогим человеком. Я переживала за нее как за родную сестру или даже больше.

В груди щемило все сильнее, воздуха не хватало.

Мелинда еще раз всхлипнула, высморкалась и отпила чаю:

– И еще, – она проглотила то ли чай, то ли слезы. – Врач сказал, что аборт делать нельзя... Не то чтобы я хотела... – Мелинда замялась, залилась краской и тяжело вздохнула. Я понимала, как нелегко решиться одной воспитывать ребенка, и не осуждала подругу за ее вопрос гинекологу. – Но от мельранцев нельзя в принципе. Ребенок выбросит в кровь какой-то смертельный яд. Защитный механизм...

Кажется, у меня остановилось сердце, окаменело на мгновение. Мелинда беременна. Выхода нет. Значит надо промыть мозги Галлиасу!

Схлынула глупая беспомощность, тело наполнилось силой, каждая мышца зазвенела. Адреналин, куда же без него.

Я вложила в руку Мелинды безе. Несколько секунд она безразлично разглядывала пирожное, словно впервые его видит. А потом без особого аппетита откусила кусочек.

– Ммм. Вкусно, – оживилась подруга.

– Тебе пекла, – вздохнула я, вспоминая, как суетилась на кухне, стараясь в движениях, в работе сбросить нервное напряжение, панику.

Мелинда пошла к гинекологу из-за странных болей внизу живота, и мы обе всерьез опасались какой-нибудь ужасной инопланетной инфекции. Любовник подруги категорически отказывался предохраняться. Я убеждала Мелинду не позволять ему так распоряжаться собой, позаботиться о себе. Но подруга все пропускала мимо ушей. Даже противозачаточные пить не стала. Галлиас заявил, что они вредят организму мельранцев. Какие-то там компоненты действуют как слабый токсин.

А беременность? Ее вероятность ничтожно мала...

Вот только даже незаряженное ружье когда-нибудь да выстрелит. И на вопрос: «Почему я? Почему это случилось со мной?» еще никто не получил ответа.

Красавец-инопланетник совершенно вскружил Мелинде голову. Вот уж не ожидала, что подруга, разменявшая вторую сотню лет, старше меня почти на полтинник, так увлечется «звездным принцем».

Даже сверхэмоции индиго, тысячекратно усиленные нашей мощной аурой, притча во языцах, не оправдывали для меня страсть Мелинды.

Конечно, «горячие индиго», управляющие электричеством, огнем, плазмой подвержены порывам, от которых темнеет в глазах, и эмоции зашкаливают, льют через край. Взять их под контроль, обуздать невозможно, даже успокоительные не помогают. Это плата за нечеловеческие способности, за то, что мы не люди. Многие думают, что со временем, с опытом можно обуздать сумасшедшие индиговские эмоции. Поражаются, почему даже тысячелетние сородичи вспыхивают за секунды, порой взвинченны как подростки. Другим расам, даже сородичам, чьи способности не связаны с мощными всплесками энергии нас не понять... Наши эмоции... не связаны с характером и возрастом, не зависят от самоконтроля и темперамента. Они приходят извне, провоцируются вспышками ауры. Энергия вливается в тело, в нервную систему, заставляет ее работать с утроенной силой, превращает раздражение в бешенство, неприязнь – в ненависть, влюбленность – в одержимость. И чем сильнее «горячие индиго», чем мощнее их аура, тем более подвержена она энергетическим бурям. Но не месяцы же длятся эти порывы! Обычно они скоротечны и проходят бесследно.

Галлиаса я видела лишь однажды. Мы с Мелиндой заходили в ночной клуб, которым владел подругин красавчик со своим старшим братом.

Мельранец как мельранец. Крепкий и гибкий – живая мечта землянки о брутальном мачо. Льдистые голубые глаза, как у героя любовного романа и чувственные губы, как у настоящего соблазнителя. И дальше тоже все как обычно – классические, тонкие, но мужественные черты лица и довольно высокий для мужчины тембр голоса.

Таких звездных прынцев я уже повидала и немало. Что привлекло в нем Мелинду? Понятия не имею! Но в последние месяцы ни одни наши дружеские посиделки или шоппинг не обходились без обсуждения: а какой он, а как они провели вместе время и насколько это было чудесно.

И вот смотрела я на подругу и думала, что еще не вечер. И я не намерена спускать звездному мачо такую вопиющую наглость. От одной мысли о том, что он вот так вот запросто отказался от собственного ребенка, в горле клокотало. Хотелось расписаться на холемом лице Галлиаса пощечиной, а потом высказать ему все, что накопилось.

Мелинда немного успокоилась и дожевывала уже третью безешку, когда я решила продолжить беседу.

– А ты точно уверена, что отец именно он? То есть ты же только забеременела...

Мелинда подняла на меня свои голубые глаза и всхлипнула:

– Врач сказала – нет сомнений, что отец мельранец. Экспресс-тест показал, что у ребенка есть мельранское ДНК. Ну этот, который делается дистанционно, просветкой... Да и чего уж тут быть уверенной? Кроме Галлиаса у меня никого не было...

Мелинда посмотрела так, что мне самой захотелось разреветься. Я осторожно погладила ее по руке, плечу и твердо произнесла:

– Что ж! Тогда ты сводишь меня к нему для серьезного разговора!

Мелинда вздрогнула, спрятала глаза. Звонко встретила чашка с прозрачным пластиковым столом, безешка брызнула из пальцев подруги розоватыми крошками.

– Я-а-а... Может не надо? – испугано прошептала Мелинда. – Зачем? Он хоть помогать не отказывается...

– Мелинда! – Окликнула я подругу – настойчиво, но ласково. Мелинда снова подняла на меня свои удивительные глаза. – Я просто с ним поговорю. Не бойся. Что может сделать знатному мельранцу обычная девушка? – и я нарочито глупо захлопала глазами. Подруга шмыгнула и засмеялась.

* * *

Одевалась я в ночной клуб как на панель.

В более приличных нарядах туда не пускали. Однажды прямо перед нами с Мелиндой завернули двух девушек в узких джинсах и полупрозрачных водолазках. Посчитали слишком скромно одетыми.

Не пускали в заведение Галлиаса и дурнушек, как бы вызываяще те ни вырядились. Охрана выбрасывала их чуть ни не за шкуру, а могла и вовсе – пихнуть, пнуть, оскорбить.

С такими заносчивые инопланетники общались не просто свысока – как с ничтожнейшими созданиями.

И все же я не смогла заставить себя натянуть мини-юбку Мелинды, едва прикрывавшую ягодицы. Выбрала черные кожаные лосины и угольную блузку в обличку с глубоким декольте. Благо, фигура позволяла – я регулярно тренировалась и выглядела подтянутой.

Янтарные глаза подчеркнула черными стрелками, розовой пудрой добавила бледному лицу немного краски.

Зеркало в коридоре не разочаровало. В отличие от мелких, почти детских черт Мелинды мои казались крупнее, но тоже изящно выточенными, мягкими.

Последним штрихом я хорошенько расчесала янтарные волосы, и откинула их за спину.

Кольцо-телефон на руке присвистнуло, сообщая об смс. Голограмма записи выстрелила наружу. В ней сообщался цвет, марка и номер нашего такси.

Мелинда посмотрела на меня своими глазами, потупилась и протянула:

– А может, без меня?

Я взглянула на подругу – на скорбно опущенные плечи, на дрожащие губы, на тонкие пальцы с голубоватым маникюром, что нервно комкали края блузки. Да, лучше без нее.

– Оставайся! – сказала без сожаления и выскочила в подъезд.

На богато отделанной малахитом лестничной площадке размером с иной зал консерватории пахло яблочным ароматизатором. Наверное, недавно убирались.

Подъезды в этом роскошном доме мыли чуть ли не трижды в сутки, любые грязные следы затирали в течение часа.

Заработав первые миллионы на рекламе крупных галактических брендов, я первым делом купила шикарную квартиру в элитном районе. Тогда местная обстановка казалась вылизанной, почти стерильной. Теперь я настолько к ней привыкла, что воспринимала как должное.

Я вызвала лифт, и серебристая кабинка почти сразу же гостеприимно распахнула двери. С девятисотого этажа на первый приехала за считанные секунды. А спустя еще несколько секунд белоснежное «магнитное такси» летело в другой конец города.

Летний ночной Орлибург бурлил и жил какой-то своей, малопонятной мне жизнью. Окна небоскребов из сверхпрочного голубого пластика, похожих на гигантские куски цветного мыла, сияли неоновым белым светом. По краям крыш ослепительно светили голубые и зеленые огоньки.

Фонарные столбы с белесыми лампочками напротив каждого этажа высоток казались гигантскими ландышами без листьев.

Внизу пестрой полосой мелькали вывески и витрины, в окружении туманной цветной вуали рассеянного света.

Когда-то город испещряла пестрая паутина дорог. Теперь ее упразднили, превратив широкие полотнища магистралей и узкие нити трасс в парки и клумбы. Транспорт «встал на крыло», и над Орлисбургом протянулись бурные реки «небесных шоссе».

Днем их ограничивали пластиковые «ленты», натянутые на столбах светофоров. Ночью по всей их ширине зажигались лимонные огоньки.

Мы быстро миновали центр с его вывесками-статуями. Возле ночных клубов высились полуголые девицы с лампочками вместо губ, глаз и по периметру тела. Возле ресторанов – такие же повара с пиццей, пельменями или другими лакомствами в руках.

Даже сквозь закрытое стекло в машину просочился полуискусственный запах булочек и жареного мяса. Его источала вывеска одного из самых дорогих и популярных ресторанов города.

Желтый район, где располагался «Анубис» – ночной клуб Голлиаса, был выстроен из сверхпрочного пластика желтого цвета. Также как мой, голубой район – из голубого.

Мельранцы утверждали, что являлись египтянам как боги, и семья Голлиаса вот уже много лет «стригла купоны» благодаря этой легенде.

Семиэтажный клуб напоминал пирамиду, подсвеченную изнутри. Она мерцала в полутьме как нечто сказочное, нереальное.

У входа возвышались суровые пластиковые сфинксы, а вооруженные копьями охранники-мельранцы были в костюмах древних египтян. Я-то отлично знала, что каждое их копьё стреляет плазмой и лазером, и может парализовать, хотя и ненадолго.

Такси село очень мягко, и я вышла в ночь, зная, что фирма уже сняла с электронного счета нужную сумму.

Летний вечер на окраине города дивно пах свежестью и медовым нектаром ночных цветов. Его приносил сюда ветер со всех ближайших газонов и клумб.

Каблуки черных полусапожек шумно позвякивали на ровной дороге, выложенной крупной желтой плиткой. Но грохот пульса в ушах не заглушали.

Я остановилась, переводя дух. Набралась решимости, сжала кулаки, стиснула челюсти до мерзкого скрипа и шагнула к дверям.

Темноволосые охранники, похожие друг на друга как близнецы-боксеры окатили меня наметанными взглядами. На долю секунды заколебались, и я почти пожалела о том, что отвергла ту самую жуткую мини-юбку... Что если не пустят? Профукать дело, даже не поговорив с Галлиасом, что может быть ужасней? Вернуться ни с чем из-за ложной скромности, нелюбви к откровенным нарядам. Разве об этом стоило сейчас думать?

Я отправилась бы в клуб и голой, если бы это помогло Мелинде! Жаль только, что осознание этого пришло слишком поздно...

Охранники переглянулись, и сердце выдало несколько быстрых ударов.

Я натянута улыбнулась, и громила справа отворил дверь.

Фуф... Слава богу.

Звуконепроницаемые стены позволяли мне сохранить слух хотя бы до прихожей. Из красноватой гардеробной поблескивали светоотражающими частицами пустые ряды вешалок с плечиками, крючками и серебристыми номерками.

Широкий коридор с несколькими дверями в разные танцзалы, казался на редкость тихим и спокойным. Я задержалась возле нужной двери, вдыхая запах хвойного ароматизатора с каким-то странным, мыльным привкусом.

Дернула дверь и оглохла.

Музыка громыхла так, что, казалось, внутренности вибрируют и носятся внутри тела в поисках тихого местечка.

Народу тут собралось пруд пруди. В полутемном, округлом помещении, размером с иной ангар для самолетов, яблоку негде было упасть.

Пестрая река посетителей стекалась к золотистой барной стойке, в виде пирамиды, в самом его центре и ручейками рассредотачивалась по залу.

Изрядно оголенные девицы, в основном землянки, отплясывали танец, который мы с Мелиндой когда-то назвали «возьми меня всю и поскорее». Виляли бедрами, кто как мог, трясли грудью, задирали ноги. Мини-юбки взлетали, оголяя телеса, стринги «сверкали» в приглушенном свете оранжевых люстр, стилизованных под солнце, а груди едва не вываливались из крохотных топиков.

Среди мужчин людей оказалось намного меньше. Мускулистые и непременно поджарые мельранцы разглядывали женщин так, как разглядывает богатей фрукты в магазине. Присматривались, принюхивались, оценивали и... беспардонно лапали.

В лучшем случае тащили за столики, расставленные по периметру, возле стен и огороженные от танцпола красными пластиковыми ширмами. Те пестрели картинками в стиле древнеегипетских фресок и отлично поглощали звук. Я знала по опыту – за столиками музыка кажется уже совсем не такой бешено громкой.

Пока оглядывалась, кто-то смачно шлепнул меня по заднице. Я развернулась и лицом к лицу столкнулась с громадным светловолосым мельранцем. Росту в нем было, наверное, метра два, если не больше. Длинная русая коса, как и у всех аристократов с Мельраны упала на могучую грудь, туго обтянутую голубой футболкой. Темные джинсы просто кричали о своей дороговизне.

Насмешливые сизо-голубые глаза на грубо высеченном, но вполне красивом для мужчины лице изучали меня – придирчиво и нахально.

– А ты ничего, – сообщил мельранец, и криво усмехнулся.

И не успела ответить, как оказалась прижата к крепкому мужскому телу, уже изрядно подогретому то ли спиртным, то ли моим видом.

Щеки запылали от злости.

– А ну отпусти! – Процедила я.

– Ишь, какая кукла! – хмыкнул мельранец, даже и не думая размыкать стальные объятия и потерся бедрами о живот, недвусмысленно давая понять – как высоко ценит мою красоту. – Ладно тебе, милашка! – он снова потерся об меня, распаяясь все сильнее. – Ты же за этим пришла. Не стесняйся.

– Я сказала, отпусти! – Прошипела, собираясь хорошенько приложить нахала током. Сердце бешено колотилось в ушах, от возмущения я едва дышала.

Но не успела осадить нахала по-индиговски, как кто-то окликнул его – очень грубо, очень недовольно и очень властно.

– Нарис! Тебе сказано отпусти! Значит отпусти!

Я думала, мерзавец ответит в том же духе. Но он бросил на меня виноватый взгляд, выпустил из рук и резко отскочил куда-то в сторону.

Прямо передом мной вырос другой мельранец, похожий на Галлиаса как отец или старший брат. Мельранцы жили очень долго, и разницу не уловил бы, наверное, даже их сородич.

Высокий, очень крепко сбитый инопланетник, не отрываясь, изучал мое лицо темносиними глазами, похожими на два сапфира.

Его чувственные, красиво очерченные губы странно дрогнули. Мельранец резко поддернул ворот черной джинсовой рубашки и спрятал ладони в карманы черных джинсов. Я ожидала, что он что-то скажет, сделает, в конце концов, просто уйдет. Но инопланетник продолжал стоять и смотреть на меня в упор, не двигаясь с места и даже не моргая.

Странно... мне показалось или время вдруг потекло медленно-медленно, музыка стихла, а бешено извивающиеся фигуры вокруг превратились в смутные тени?

Я хотела и не могла отвести взгляда от глаз мельранца. А он продолжал смотреть, не мигая, все больше каменел и молчал.

Тук-тук-тук... это так тяжело бьется сердце или барабанный бой из колонок, встроенных в стены, стучится в уши неровным ритмом?

Бзинн... Бзиннн...

Кто-то уронил на пол стакан, и он раскололся на несколько осколков. Стекла разлетелись по полу и замерцали под оранжевыми лучами люстр. Я вздрогнула и очнулась.

Мельранец даже не шевельнулся, словно и не заметил.

Я отшатнулась и собиралась броситься в сторону черных дверей в служебные помещения. Вспомнила – зачем пришла и чего хотела. К горлу подкатился колючий ком. Время закрутилось вокруг в бешеном темпе.

Но не успела я пробиться сквозь толпу танцоров, просочиться мимо барной стойки, как была перехвачена чьей-то стальной рукой.

– Ты ведь Лиса? Елисса? – прозвучало над ухом. Низкий, хриловатый грудной голос зазвенел в каждой клетке тела. Или всему виной снова музыка?

Спиной я ощущала очень напряженное мужское тело, и узнавала его, хотя и не знала.

Мельранец обошел меня и вонзился в лицо все тем же испытующим взглядом.

– Я видел тебя в тот вечер. Вы приходили с Мелиндой к Галлиасу. Я его брат, Рейгард.

Я с трудом переваривала услышанное. Так. Он действительно брат этого похотливого козла. И чего же он хочет? Чтобы я отстала от младшенького? Не появлялась перед сиятельными очами? Вот уж дудки!

Рейгард вдруг расплылся в странной, натянутой улыбке. Губы его слегка дрогнули, а высокие скулы предельно очертились.

– Я знаю о Мелинде, – очень тихо произнес мельранец. – Пытался убедить брата... Но... Он настоящий сын наших родителей, – губы Рейгарда скривились, нос наморщился. Он рубанул рукой по воздуху и вдруг обратился ко мне мягким, почти душевным тоном: – У меня есть предложение. Если согласишься, поверь, мы и родителей щелкнем по носу. И Мелинде поможем. А помощь ей ой как пригодится.

– Предложение? – я не понимала, вообще не понимала – о чем это он. Какое предложение может сделать мне мельранец, брат красавчика, который бросил мою беременную подругу?

И пока я медлила, вконец растерялась, Рейгард осторожно взял под руку и повел туда, куда не позволил добежать совсем недавно – ко входу в служебные помещения.

Глава 2

Настроение мельранца странно менялось.

Вначале он вел меня неторопливо, почти бережно, и вдруг схватил за талию, прижал к горячему боку и потащил.

Я чувствовала, как учащается дыхание Рейгарда, каменеет мощное тело.

Мы пронеслись по длинному желтому коридору с множеством дверей, и, мельранец предсказуемо распахнул ту, на которой висела табличка: «Директор». Помнится, Галлиас шутил, что хотел написать «Царь и бог», но решил не пугать подчиненных.

Я уже однажды заглядывала в этот просторный кабинет, с исполинским столом из оранжевого мельранского дерева и желтыми креслами, обтянутыми мягкой шелковистой тканью.

С тех пор ничего не изменилось. Разве что высокий шкаф-солдатик из все того же оранжевого дерева, в углу, у окна, был под завязку забит документами. Чуть больше года назад за его дверцами из дорогого прозрачного пластика, почти не отличимого от стекла, виднелись лакированные полки. Теперь же их сплошняком покрывали белые коробки с носителями информации – не больше иголки размером.

Два громадных экрана компьютера на письменном столе – тонких как бумажный лист – напоминали о супермодной тенденции. Жители союза активно переходили на виртуальную клавиатуру – нечто вроде трехмерной проекции кнопок, реагирующих на магнитное поле пальцев владельца.

В кабинете Рейгард словно опомнился – отпустил меня, отошел на несколько шагов и жестом предложил сесть в любое из пяти кресел.

– Спасибо. Я постою, – почему-то мне хотелось сохранить путь к отступлению.

Мельранец преодолел разделявшее нас расстояние в два шага. Навис надо мной – такой огромный и взвинченный, снова впился в глаза этим синим взглядом.

Сердце екнуло, странно засосало под ложечкой. Но на сей раз я быстро одернула себя, напомнив о цели визита.

– Вы хотели поговорить о подруге! – с вызовом бросила в лицо Рейгарду. – Я слушаю!

Мельранец прищурился, взгляделся в лицо, вдруг резко крутанулся на пятках и прошелся по комнате.

Подскочил снова, замер в шаге от меня, и выпалил:

– Первые два месяца беременности очень опасны для Мелинды. От землян это тщательно скрывают, но случаи беременности ваших женщин от наших мужчин не единичны. Это странно и даже не по природе... Но факт остается фактом... Вначале все женщины умирали... в первом триместре...

Но теперь часть из них выживает... благодаря нашим технологиям. И лишь единицы переносят беременность от мельранца нормально, также, как и от землянина.

Я отшатнулась, словно от удара. Мелинда... Неужели ей грозит беда? Сердце заколотилось быстрее, запульсировало в висках. Неужели подруга может умереть? Да неет! Инопланетник запугивает меня! Но зачем ему это?

А Рейгард словно обухом по голове ударил:

– Галлиас знает обо всем и надеется, что твоя подруга... не выживет.

Я отшатнулась снова, и ноги предательски подкосились. Я с трудом нащупала высокую спинку ближайшего кресла, и с облегчением плюхнулась в него. Мельранец догнал в один шаг, протянул лапищи, чтобы помочь. Я выбросила вперед руки, предупреждая его жест. И без того напряженное лицо Рейгарда совсем окаменело. Он рубанул рукой по воздуху. Чувственные губы вытянулись в жесткую полоску.

– Лиса, я хочу помочь, – сказал так, словно просил, а не предлагал.

Нет, я ничего не понимаю! Мерзавец Галлиас хочет, чтобы Мелинда умерла, и вопрос решился сам собой. А его непонятный брат хочет помочь? Что за чертовщина?

Рейгард обошел кресло. Медленно, осторожно. Боже! Какой он огромный! Даже больше Галлиаса. Выше его, наверное, на целую голову и гораздо массивней.

Мельранец наклонился, схватился за подлокотники и словно пленил меня своим мощным телом.

– Лиса, я предлагаю тебе сделку, – сказал немного хрипло, тихо. – Я отвезу Мелинду на Мельрану, в лучшую клинику. Там ее шансы на выживание будут максимальны. Но мне нужно...

Он запнулся, синие глаза смотрели так, что казалось невыносимым, невозможным отвести взгляд. На каменном лице Рейгарда резко очертились острые скулы.

– Мне нужно, чтобы ты изобразила мою невесту... перед нашей семьей.

– Чтобы я чтоо? – Взвизгнула я.

Да он издевается, что ли?!

Нет, не издевается и не шутит.

Мельранец выпрямился, небрежно подцепил другое кресло и сел сбоку от меня. Да так близко, что при желании мог дотянуться до моего уха губами.

– Лиса. Наше аристократическое общество погрязло в предрассудках. Галлиаса воспитали так, что он предпочитает убить женщину, к которой испытывал чувство, лишь бы она не предъявила права. Лишь бы не сунулась в нашу семью. Я хочу все изменить. Ну не изменить! Хотя бы сделать шаг в эту сторону. И ты нужна мне как символ новых представлений мельранцев о мире и жизни. Я – наследник древнего аристократического рода. И я намерен объявить всему нашему высшему свету, что ты – моя невеста.

Вначале я опешила, растерялась. Но потом медленно, но верно начало доходить! Да этот мерзавец намерен использовать меня также, как его брат – Мелинду!

В висках пульсировало, сердце выскакивало из груди. На языке так и вертелись оскорбительные слова. Эпитеты, которыми щедро награждали мельранцев ксенофобы, требующие их депортации с Земли за связи с нашими женщинами.

А что если это план Рейгарда? Может Мелинде ничего и не угрожает? Может он просто решил запугать меня и быстренько склонить к согласию? Я не верила ни единому слову синеглазого инопланетника.

И, кажется, он это понял.

– Лиса. Пожалуйста, послушай, – в голосе Рейгарда вдруг зазвучали почти задушевные нотки. – Я искренне хочу помочь Мелинде. И таким же, как она. Хочу помочь и нашему обществу принять новые реалии жизни. Разве это плохо?

Не в силах усидеть на месте, я вскочила и закричала в лицо мельранцу.

– Да конечно же! Какие проблемы? Подумаешь, решил использовать меня как флаг революции на вашей прогнившей планетке. Как существо, которого будут ненавидеть все! Твои родственники, за то, что соблазнила наследника и сбила с пути истинного! Ваши аристократы за то, что вторглась в их великосветское общество своим невымытым рылом! Не верю ни единому твоему слову! Ты такой же, как и брат! Считаешь нас грязью под ногами и расчетливо ищешь – чтобы от нас поиметь!

Рейгард вздрогнул, как от удара кнута, губы его нервно дернулись. Мельранец вскочил с кресла, едва не опрокинув его. Секунда – один удар сердца, один вдох – и я зажата между каменным телом Рейгарда и теплой стеной из оранжевого пластика.

Боже! Какой он горячий! И какой мощный!

Рейгард склонился к моему лицу. Ноздри его раздувались, подбородок выпятился, глаза метали молнии.

Ну давай! Запугивай! Мельранская сволочь! Революцию он захотел! За мой счет! Да фигушки!

Рейгард приоткрыл рот и закрыл его. Выражение лица его изменилось – резко и, казалось бы, беспричинно.

Губы приоткрылись, обдавая меня рваным дыханием. Ноздри перестали раздуваться. От мельранца пахло чем-то свежим, немного сладковатым, но не приторным. Приятно...

Я трянула головой, и внезапно ощутила, что тело Рейгарда отреагировало на нашу близость слишком уж по-мужски. Мельранец наклонился еще и еще и почти коснулся моих губ ртом. Я дернулась и каким-то чудом проскочила под его рукой. Метнулась к дверям кабинета.

– Лиса?

Я обернулась. Рейгард напоминал большого и очень возбужденного хищника. Чуть припухшие губы алеют, тело – каменное, мускулы бугрятся.

– Я хочу поговорить с Галлиасом! – Выпала я, ощущая странную слабость в ногах.

– Он улетел, Лиса, на нашу колонию, на Юстиниану, – хриплый голос Рейгарда почему-то ужасно волновал. Все внутри меня трепетало. – Ждет, пока с Мелиндой... будет все... конечно...

– Что ж... тогда... тогда... мы сами, – поникла я. – Ты же сам сказал, что некоторые землянки выживают, вынашивая ваших детей? Разве нет.

Рейгард молчал, не двигаясь и не сводил с меня глаз.

Решимость куда-то испарилась. Внутри разливалась странная пустота. Мелинда... Рейгард... беременность. Да правда ли это? Почему я должна ему верить? К тому же Мелинда разговаривала с Галлиасом не далее как несколько часов назад!

Когда же он успел улететь? Ведь билеты на инопланетный перелет телепортом раскупают за недели! А то и за месяцы! Хотя... У Галлиаса связи. Он на родине потомок чуть ли не королевского рода... Не зря ведь Рейгард так себя нахваливал.

В голове все перепуталось. Синие глаза мельранца сбивали с мысли, обволакивали странным дурманом. Рейгард смотрел так странно и так... волнующе. Медленно двинулся навстречу, шаг за шагом, метр за метром.

Приоткрытые губы... тяжелое дыхание... каменное тело...

Я отшатнулась к двери.

– Да погоди же! Лиса! Ты не так меня поняла, – Рейгард бросился навстречу, а я юркнула за приоткрытую дверь и понеслась по коридору.

Зал пробежала на какой-то рекордной скорости. Лица, фигуры, барная стойка – все слилось в неясную полосу. Музыка оглушила снова, почти контузила.

Не притормаживая, я выскочила из клуба и только здесь позволила себе отдышаться. Рейгард не преследовал.

Тишина ночного квартала, нарушаемая лишь стрекотом насекомых, казалась праздником для слуха. Прохладный ветерок остужал разгоряченное лицо.

На недалекой воздушной трассе сонмом светлячков носились машины.

Я вызвала из кольца-телефона трехмерную клавиатуру и нажала быстрый набор такси...

Глава 3

Вернулась я домой, как и предполагала, за полночь. Мелинда осталась ночевать в моей спальне – большой, просторной, с добротной деревянной кроватью и черным кожаным диваном. Они отлично гармонировали с бежевыми крашенными стенами. С детства ненавижу обои! И даже супермодные, моющиеся, с голографическими и трехмерными проекциями пейзажей, не изменили моего мнения о настенных «наклейках».

Я закрыла синие жалюзи на окнах, чтобы ни ослепительные шары фонарей, ни вывески ближайших к нам ресторанов с кафе не будили беременную подругу.

Подошла, подоткнула одеяло и вгляделась в лицо Мелинды. Бледная, немного осунувшаяся, она все еще походила на ребенка, и точно также посапывала. Пушистые светлые ресницы вздрагивали и трепетали. В груди защемило.

Вспомнился мой Ярик. Мой сынишка. Маленький ангелочек с родинкой на левой мочке. Какие немислимые позы принимал он в детской кроватке, как высовывал за деревянные прутья ножки в полосатых носочках с резиновыми подошвами – чтобы не скользили. Как врывался ко мне после прогулки с криком: «Мама!» и бросал мячик, разрисованный рыбками и ракушками. А я в суматохе пыталась поймать его, прежде чем игрушка разнесет в пух и прах все на рабочем столе.

Глаза защипало, сердце больно ударилось о грудь.

Нет! Все у нас будет хорошо, Мелинда! И если существуют женщины, которые нормально выносили ребенка мельранца, ты будешь одной из них.

На этой ура-патриотической ноте, я разделась и умылась в своей любимой, громадной ванной – целиком выложенной голубой плиткой.

Заглянула на кухню и включила тусклое ночное освещение. Низко покачивался под потолком красный конус люстры, вырывая из полутьмы полупустую тарелку с безешками. Ну что ж! Аппетит у Мелинды есть, токскоза нет, значит и волноваться нечего.

Но чем больше я себя в этом убеждала, тем все тяжелее становилось на сердце.

Ах да! Галлиас!

Я метнулась в гостиную. И, не включая свет, юркнула мимо высокого угольного шкафа из черного блестящего пластика к рабочему столу, из того же материала.

Компьютер с реальной, настоящей клавиатурой – прямо как во времена моей молодости – и не думал засыпать. Я сама себе усмехнулась. Вот ведь склеротик! Так и не забыла все эти допотопные электронные машины! Современные ноутбуки и компьютеры можно было не заряжать и оставлять без электричества на месяцы!

Я пододвинула черное кресло, села и быстро забарабанила пальцами по клавишам.

Так-с... Галлиас Саркатта. Фамилия-то какая дурацкая!

Вот мерзавец!

Я едва сдержала яростный возглас, когда новостные страницы замелькали перед глазами цветастой лентой.

«Улетел на Юстиниану с дипломатической миссией...» «Отправился налаживать отношения с юстинианскими мельранцами...» «Завидный жених покинул Землю, так и не остепенившись...»

Надеюсь, Мелинда этого не увидит. Глупо, конечно! Если не увидит она – растрезвонят на работе. В отличие от меня, интернет-консультанта по пиару, подруга работала в рекламном отделе крупной косметической фирмы. И, естественно, там собрался сплоченный террариум обожающих друг друга на публике единомышленниц. Про роман Мелинды и Галлиаса знали, конечно же, все. От секретарши Любы – пухлой, маленькой девушки с большими черными глазами и не менее большими амбициями до начальницы Мелинды – Анастасии. Женщины

властной, с королевскими замашками, монументальной фигурой и очень простым, невзрачным лицом, которое не красил никакой супермакияж.

Завидовали Мелинде по-черному. Помню, однажды заехала за ней на работу, чтобы посидеть в кафе и наслушалась так, что тошнило еще неделю.

– На вид – бледная моль, невинная овечка. Но тут, как говорится, в тихом омуте черти водятся. Я много слышала об индиго, – шептала стройной брюнетке Люба и многозначительно улыбалась, поправляя экстремально короткое алое платье. – Просто представь, сколько мужиков у нее могло быть за лет двести?!

Сплетница шипела громко, не смущаясь, чтобы уж наверняка услышали в ярко-красной приемной отдела, завешанной трехмерными фотообоями, и в коридоре.

– Вроде, она мельранца в ночном клубе подцепила. И прикинь, это оказался его собственный клуб! Я в интернете поискала, – продолжала девушка уверенно кивая, – Уверена, она специально для этого туда и пошла – хвостом вертеть. Кто-то даже говорил, что она его там месяцами караулила. Вот таким наглым обычно и везет...» – по севшему голосу Любы стало ясно – ей не везло даже с наглостью.

Дальше шли витиеватые пассажи о том, как Мелинда одевается, красится и вообще себя ведет. Но стоило мне прокашляться, Люба сделала большие невинные глаза, поправила выжженный перекисью пучок на затылке и поставленным секретарским голосом спросила:

– Девушка? Вы к кому?

Значит утром надо подготовить Мелинду к встрече с сослуживцами. Подруга должна сообщить им сама, как бы между делом. Мол, Галлиас временно уехал, но обещал вернуться с дорогими подарками. Пусть удавятся от зависти и злобы!

На этой высокой ноте я оставила в покое новости про Галлиаса, и уже было хотела пойти спать, но что-то меня остановило.

Я набрала в поисковике «Рейгард Саркатта» и получила еще больше картинок, сообщений и новостей. У этого мельранца даже фансайты имелись!

С каждой главной страницы и с каждой шапки форума смотрело его грубовато выточенное, мужественное лицо и глаза – синие-синие. И я бы даже списала все на фотошоп, если бы сама не видела эти бездонные озера – глубокие и завораживающие.

Страницы пестрели сердечками, мишками и прочей девичьей чепухой. От при- торно-розового фона все время хотелось проморгаться.

Страстно-сопливые признания, описания какой он, и как он восхитителен моя нервная система выдержала со скрипом.

Зато я, не без труда, нашла биографию Рейгарда и сведения о его семье.

Скудные, обрывочные, они пестрели фотографиями мельранца и в фас и в профиль, но по сути рассказывали ничтожно мало.

Я узнала лишь, что Рейгард занимался ночными клубами на нескольких планетах содружества. Что он никогда не был женат и «в связях порочащих его не замечен». А еще что на родине Рейгард числится как революционер нравов и культуры.

Ага! Революцию он затеял! Шишь тебе!

На мое яростное шипение красавчик на фотографии не отреагировал никак. Лишь продолжал буравить своими синими глазищами.

Я закрыла сайты и пошла спать.

Утро вечера мудренее, главное поймать Мелинду прежде, чем она наступит на мины – напорется на злорадство сослуживцев и откровенные издевки.

* * *

Две недели пробежали как один миг.

Я корпела над очередным заказом по ребрендингу фирмы, одевавшей в шубы почти всех олигархов страны. Теперь популярная марка замахнулась и на модели для среднего класса. И ей срочно требовалась убедить этот самый средний класс, что одевать его будут не хуже ВИПов. Меха подешевле и попроще отделают так, что они ничем не уступят самым дорогим и шикарным.

Мелинда переехала ко мне и чувствовала себя превосходно. Много ела, много гуляла – мы отмотали десятки километров по парку, неподалеку от дома. И почти не плакала по Галлиасу.

Наверное, гормоны беременности делали Мелинду слишком уж оптимистичной. Я только и слышала: «Он одумается», «Он наверняка вернется», «Соскучится, поймет, что такое отцовство»...

Я не возражала. Лучше пусть так – порхает в облаках, чем каждую ночь рыдает в подушку.

И все было неплохо... вот только в один прекрасный день Мелинда не вернулась с работы.

Вначале я решила, что она задерживается. Генеральный задумал какое-нибудь срочную рекламную акцию или розыгрыш или что-то в этом духе, и весь отдел пыхтел в поте лица до поздней ночи. Такое случалось, хотя и не часто.

Но потом зазвонил телефон-кольцо. Я вздрогнула, и все поняла, даже не глядя на номер. Звонил подругин гинеколог – Фарскраф. Голос врача звучал напряженно, исчез прежний налет бесшабашности, с которым он обычно сообщал нам результаты анализов или УЗИ.

– Мелинда в больнице. Вам нужно приехать, – эти два коротких предложения разделили мою жизнь на до и после.

Трясущимися руками вызвала я такси. Натянула черную трикотажную блузку и свободные угольные брюки. Накинула шерстяную кофту – год близился к осени, и вечерами холодало, – и под писк смс пулей выскочила из дома.

Замок, работавший на ДНК владелицы, мгновенно захлопнулся.

Лифт ухнул вниз так, словно падал в бездну.

Улица пахла сыростью и приторно-сладкими ночными цветами с ближайшего газона, некогда служившего наземной дорогой.

Где-то за домом тоскливо завывала собака. На ветке американского клена, возле подъезда смачно каркнула ворона. Я обернулась в сторону гадкой птицы, и она замолкла. Словно поняла, что я не человек и могу хорошенько приложить током.

Темно-зеленое такси взмыло в небо и ловко пристроилось в крайний ряд воздушной трассы.

Радио гремело на всю катушку, транслируя какого-то суперпопулярного рэпера.

В салон просачивались запахи ночной жизни. Невыносимо густой, парфюмерный, словно нарочно напоминал о фирме подруги. От сладкого аромата горячего шоколада во рту все слиплось. От запаха пережаренного мяса тошнота подступила к горлу.

И где-то там же, в горле, бешено колотилось сердце.

Рэп оборвался, и зазвучала медленная, тягучая мелодия. Я задрожала, закуталась в кофту. Эта мелодия... Мы слушали ее с Мелиндой в тот самый вечер, в такси, когда летели в «Анубис» к Галлиасу.

Я стиснула челюсти, и от зубовного скрежета по спине понеслась целая толпа мурашек.

Долетели мы в рекордные сроки.

Голубоватый небоскреб самой известной городской больницы и поликлиники впивался в темноту ярко-желтыми окнами, царапал крышей золотистые звезды.

Мирно сияли колокольчики фонарей.

Нерукотворный парк вокруг больницы, с кряжистыми дубами, тонкими березками и косматыми кленами притих, словно вымер.

Я даже слышала, как пролетает мимо мотылек, устремляясь к фонарю.

Главная аллея парка напрямик вывела меня к дверям в приемное отделение.

Внутри свет просто ослеплял. Тысячи круглых лампочек были хаотично разбросаны по потолку, а на стенах горели плафоны в форме египетских амфор. Символично.

Я проскочила мимо четырех черных кожаных диванов – изрядно потертых и потрепанных, но все еще вполне приличных и подбежала к регистратуре.

За полукруглым черным столом, отгороженные от остального мира высокими мониторами, дежурили две сонные медсестры.

Я постучала по столу и одна из них подняла усталые серые глаза.

На ее узком, остроносом лице с ямочкой на подбородке отразилась дежурная улыбка.

– Добрый вечер, чем могу помочь?

– Ничем! – раздался позади низкий мужской голос, и я спиной ощутила приближение Рейгарда. От него словно бы исходило тепло. Свежий, чуть сладковатый запах окутал меня, и время замедлилось. Даже мысли потекли как-то лениво, не торопясь.

– Девушка? Так что вы хотели? – выдернула меня из странного транса в реальность медсестра из регистратуры.

Рейгард? Что он тут делает? Какое право имеет распоряжаться мной, Мелиндой? За секунды пульс взвился до небес, а я взвилась еще сильнее. Почему? Я и сама не понимала.

Но когда развернулась к мельранцу, злые слова готовы были слететь с языка. И тут... из-за массивной фигуры Рейгарда выступила гораздо менее массивная, жилистая фигура. Фаскраф – врач Мелинды смотрел на меня очень темными, глубоко посаженными глазами. На усталом, изрезанном морщинами лице его отражалось все, что я услышала секундой позже.

– Она очень плоха, – тихо, но твердо сообщил Фаскраф. – Отказали сразу несколько внутренних органов. Сейчас она на аппарате. Но нужно срочно доставить Мелинду на Мельрану. Там есть все необходимое для стабилизации ее состояния.

Кровь ударила в голову. Я заметалась по приемному отделению, закричала, не обращая внимания на медсестер в регистратуре и двух посетителей – они только что вошли в двери.

– Этого не может быть! – резко остановившись, бросила в лицо Фаскрафу. Рейгард зачем-то попытался сжать мою ладонь. Но я отдернула руку и отскочила подальше от мельранца. – Вы же неделю назад убеждали нас, что все хорошо! И анализы! Они были хорошими! И УЗИ! И что там еще...

– Все и было хорошо, – все также тихо и твердо ответил Фаскраф. – Ее привезли сегодня, во второй половине дня, на скорой. Я уже сталкивался с такими случаями при беременности от мельранцев. Вначале все отлично и вдруг – раз – и женщина умирает.

Я задохнулась воздухом, голова закружилась, колени ослабели. Я рухнула бы на пол, но Рейгард не позволил. Подхватил на руки, как ребенка. Синие глаза смотрели с неподдельной тревогой, участием. Или мне только так показалось? Наверное, показалось. Какое участие может проявить брат того, кто бросил Мелинду умирать, зная, что может хотя бы попытаться спасти? Ее и своего, между прочим, ребенка!

– Не надо так паниковать, Лиса, – медленно, почти ласково произнес мельранец. – Я уже заказал нам дипломатический рейс. Через час сядем на корабль телепорта. А через полтора суток по земному времени будем на Мельране. С нами полетит Фаскраф, – он кивнул в сторону врача. – И еще несколько медсестер. Успокойся, все будет хорошо. Я позабочусь о вас.

Он говорил так, словно все уже решено. Ну, уж дудки! Я задергалась в руках Рейгарда как эпилептик. Но вместо того, чтобы отпустить, мельранец лишь прижал крепче. Его каменное тело обдавало незнакомым, но почему-то ужасно приятным жаром, грудь ходила мехами, а стальные объятия, казалось, не разжать и боксеру.

– Лиса! Успокойся! Сосредоточься! – прохрипел Рейгард, и голос его явственно вздрогнул.

– От-пус-ти! – процедила я сквозь зубы.

Мельранец послушно поставил на неверные ноги. Я пошатнулась и оперлась рукой о прохладный стол регистратуры.

– Разве нельзя избавиться от... ребенка? – почти шепотом, едва дыша, выдавила в сторону Фаскрафа.

– К сожалению, мой опыт показывает, что в таких случаях это приводит к еще более быстрой смерти матери, – пожал плечами врач.

Небо рухнуло на голову, земля так и норовила уйти из-под ног. Сердце больно ударилось о грудь и замерло, окаменело.

Я смотрела на Рейгарда, на Фаскрафа и понимала, что выхода нет. Его не было изначально, просто я тешила себя напрасными иллюзиями, глупыми надеждами.

Я выдохнула, словно ныряла в глубокий колодец и выдавила каким-то чужим, упавшим голосом:

– Рейгард. Я на все согласна.

Он посмотрел так странно, так обижено. Словно я только что не согласилась на все дурацкие условия, на унижение в обществе мельранской знати, а, напротив, отвергла сделку. Хуже того – оскорбила последними словами.

– Жду тебя у десятого якоря космотелепорта, – даже не сказал, скорее прорычал Рейгард. Крутанулся на пятках так резко, что меня обдало ветерком, и ракетой вылетел вон.

– Зря вы с ним так, – покачал головой Фаскраф – весь такой серьезный, собранный.

Я подняла глаза на врача, и недоверчиво прищурилась:

– И вы за этих инопланетных богатеев? – в голосе прорезались противные, визгливые нотки.

– Я не «за», – спокойно ответил Фаскраф. – Только Рейгард ежедневно справлялся о здоровье вашей подруги, на правах родственника ребенка. Приехал сюда и организовал перевод Мелинды в клинику на Мельрану прежде, чем приехали вы. И вам даже не сообщил. Подумайте об этом.

О чем это он? Колени снова подогнулись, и я плюхнулась на диван, рядом с грустной шатенкой в веселом желтом платье с громадными алыми маками.

Она вцепилась в коричневую сумку, как в спасительный круг и нервно скребла металлическим каблуком по сверхпрочному пластику пола.

Когда я снова подняла глаза, Фаскраф исчез – наверное, отправился готовить Мелинду к перевозке.

В приемном отделении по-прежнему было немногочисленно.

Сегодня не праздник и не выходной – народ не пьет, не гуляет, и травмируется редко. А скорая подвозила тяжелых к другим воротам.

Медсестра за регистратурой сладко зевнула и отхлебнула кофе из белой граненой кружки.

В двери вошел молодой, но уже изрядно полысевший мужчина, поддерживая сторбленную старушку. Ее крючковатые пальцы крепко держались за руки спутника.

А сколько времени? Господи! Рейгард сказал – у меня в запасе час! За это время я едва успею долететь домой и оттуда в космотелепорт! Когда же собираться?

Я беспомощно оглядела отделение вновь. В душе закипала злость. То ли на себя, то ли на Галлиаса, то ли на Рейгарда. То ли на всех сразу.

– Елисса Варламова? – позвал высокий, мелодичный и явно нечеловеческий голос.

Я вскинула глаза.

– Простите, я от Рейгарда Саркатта. Меня зовут Велтис, – сообщил темноволосяй мельранец, с темно-карими глазами. Немного сухощавый по сравнению с Рейгардом и Галлиасом, он все равно был на голову выше любого землянина и гораздо лучше сложен.

Шрам у самой кромки роста волос и родинка на носу, мягкие черты лица – не слишком выразительные, но правильные... Недорогая зеленая футболка и синие вытертые джинсы. Он явно происходил из хуторных мельранских аристократов.

– Слушаю, – слишком резко отозвалась я.

И ведь отлично понимала, что парень не причем. Все эта благородная семейка Саркатта! От них одни беды! Но смерть тон не удалось даже усилием воли.

– Рейгард Саркатта прислал за вами машину и просил сообщить, что ваши вещи вместе с платяным шкафом уже на борту корабля телепорта.

Глава 4

Боюсь, дорога до здания космотелепорта, похожего на громадную голубую церковь с золотыми куполами, стоила Велтису десяти лет жизни.

Бедняга опасливо поглядывал на разъяренную спутницу, что-то бурчащую себе под нос, и тяжело вздыхал.

Я же не могла остановиться – честила Рейгарда Саркатта на чем свет стоит. Давненько меня никто так не бесил!

Это же только додуматься надо! Вломиться в чужую квартиру и вынести шкаф!

Я, конечно, была наслышана о чудесах мельранских технологий. О том, что наши замки на ДНК они вскрывают на раз. Но всему есть предел! Одно дело читать об этом в научно-популярных журналах, и совсем другое – столкнуться лично. Я Рейгарда даже на порог не приглашала!

Где-то в глубине души теплилась надежда, что он не со зла. Кто знает – какие у них там, на Мельране традиции. Возможно, такое вот вторжение в частную собственность и в личную жизнь заодно тоже, на родине Рейгарда в порядке вещей. Но яростный пульс утихомирился лишь неподалеку от телепорта. Тогда же, я обнаружила, что наконец-то разжала кулаки.

Ладно... Я его не убью. По крайней мере, пока не спасет Мелинду. Главное сейчас – ее жизнь и здоровье. Остальное – позже, когда-нибудь.

Летний космотелепорт гудел как растревоженный улей, и очень напоминал аэропорт времен моей далекой молодости. Те же бесконечные металлические залы, гомон голосов, топот сотен ног и предотпускная суета. Не хватало только высоких столов для проверки документов, стоек для просвечивания чемоданов с суровыми дамами рядом, да коротких движущихся дорожек для багажа. Сумки теперь брали с собой, как в поезда, а проверяли и просвечивали их, вместе с владельцами датчики над дверями телепорта.

Знакомые до боли щербатые пластиковые кресла в залах ожидания, разве что немного удобней и теплее прежних, металлических.

И гигантские табло, только не настоящие – трехмерные изображения экранов, на которых громадными буквами высвечивались номера рейсов.

И те же люди. Везде и всюду. С чемоданами, рюкзаками, сумками и пакетами. С детьми, что припрыжку скакали за ручку, с бутылками воды наперевес и бутербродами вприкуску.

Ночное время – не помеха для рейсов на лучшие курорты Галактики. Турфирмы закупили чартеры на эти часы за гроши, и наваривали приличные деньги. А отдыхающие... отдыхающие вполне могут отоспаться и в куцах каютах экономкласса. Все равно там больше нечем заняться.

Экран, размером с половину нормального окна показывает планеты, звезды и космические тела, мимо которых скользит по «кротовым норам» транспортник. Вначале даже завораживает. Но потом устаешь от бесконечного мельтешения перед глазами живых, голубых шариков, и мертвых, разноцветных. Их разнообразие надоедает и остается лишь одно желание – размять затекшие ноги. Но вот как раз это в экономклассе сделать невозможно. Два шага вправо, шаг вперед – и все – стена.

Бродить по однотипным коридорам, покрытым цветным сверхпрочным пластиком скучно. И ты ложишься на узкую кровать, уже почти не чувствуя – насколько жесткий под спиной матрас – и отключаешься. Засыпаешь, чтобы проснуться и выйти в тепло, в лето, навстречу свободе от рабочей кабалы и удивительным приключениям.

Велтис посадил длинную белую машину персон на двадцать прямо под номером рейса. Цифры крутились в воздухе, позволяя пассажирам видеть себя из любого угла громадного зала

телепорта. Зря! Наш рейс индивидуальный, о чем сообщалось чуть ниже, такой же виртуальной надписью.

– Мама! Мама! А что такое индивидуальный рейс? – спросила вихрастая белокурая девчушка в розовом сарафане и дернула за руку деловитую блондинку с пышной фигурой и ярким макияжем. Та окатила меня и Велтиса почти ненавидящим взглядом и подтянула допотопный чемодан так, что колесики неприятно скрипнули об металл пола.

– Пошли отсюда! Это для богатеньких! – нарочито громко выпалила блондинка. Смешно поправила узкое белое платье, которое упорно собиралось складками на животе, и гордо зашагала дальше.

Девчушка посмотрела на меня своими небесно-голубыми глазами, улыбнулась и побежала следом за мамой.

В груди кольнуло. Ярик... Он смотрел точно также – снизу вверх, забавно задрал голову, изучал серыми глазами, с пушистыми, светлыми ресничками. Долго смотрел, внимательно, а потом задавал свой очередной «почемучкин вопрос».

Я потеряла его. Просто однажды, совершенно буднично зазвонил черный сенсорный мобильник с длинной царапиной возле кнопки пуска. И правнучка неживым голосом сообщила:

– Прадедушка... Ярик... умер сегодня ночью.

Помню, как метнулась зачем-то в гостиную. Как распахнула пластиковый солдатик и вытащила оттуда медицинскую карточку. Старую, пухлую, бумажную. Не то, что сейчас – носитель медицинской информации размером с мизинец.

Упала в свое рабочее кресло и читала... листала... читала...

С глянцевого обложки улыбалась беззаботная малышка. В подгузнике с рыжей русалочкой, пухлощекая и босая. На второй странице, такой же плотной, но уже матовой шли записи корявым, забористым почерком. Вес, рост, месяцы жизни. Прививка... прививка... осмотр.

Вот тут маленькое жирное пятнышко – Ярик схватил компромат на себя сразу после того как умял плитку белого шоколада. А тут подран уголок. Трехгодовалый Ярик достал карточку из шкафа, наверное, прочесть хотел – какой он здоровый и сильный.

Ярик... Мелинда... Глаза обожгло, щеки защекотало, с подбородка закапала влага.

Чья-то теплая рука легла на плечо. Настойчивая, твердая. Встряхнула, развернула меня как безвольную куклу.

– Елисса? Ты в порядке? Что случилось? Тебя кто-то обидел? – пробился сквозь пелену слез и безысходной тоски немного хриплый, низкий мужской голос. Я подняла глаза и встретила с синим взглядом Рейгарда.

Мельранец наклонился к моему лицу и смотрел взволнованно, тепло.

Губы вытянулись в жесткую линию, скулы резко очертились.

– Я-а-а... В порядке, – я крутанулась на пятках, пряча глаза, пытаюсь суматошно вытереть слезы. Даже спиной ощущала, как приблизился мельранец. Он не касался, нет, замер меньше чем в шаге. Тяжело задышал, осторожно положил руку на плечо, и горячий шепот пощекотал ухо:

– Лиса. Все будет хорошо. Я обещаю.

И почему-то я не отодвинулась, замерла, ловя его теплое, неровное дыхание и шепот:

– Я позабочусь о ней. И... о тебе тоже.

Ни с того, ни с сего замедлилось время, а, быть может, остановилось совсем. Часто-часто заколотилось сердце. А шепот Рейгарда заглушил эхо сотен шагов по металлическому полу и нескончаемый гомон отпускников, мечущихся по телепорту в поисках нужного рейса.

– Успокойся. Лиса. Все будет хорошо...

Глупые мурашки пробежали от затылка к копчику.

Рейгард вдруг прижался ко мне – знойный и каменный. Вздрагивающие пальцы соскользнули с плеч, устремились к ладоням. Медленно, осторожно опустились на талию. И снова тело мельранца отреагировало на нашу близость слишком быстро, слишком по-мужски.

Я отпрянула, и наконец-то смогла связно мыслить. Рейгард застыл, прямо под цифрами рейса. Большой, напряженный и... почему-то растерянный. Губы его вздрагивали, а глаза смотрели не мигая, неотрывно следили за каждым моим жестом.

– Эээ... Все нормально. Просто задумалась, – промямлила я, судорожно пытаюсь понять, что же такое случилось между нами секунду назад. – Мелинда?

– Уже на борту.

– Как на борту? – поразилась я. Огляделась – ни транспортника, ни портал для него еще не подали.

Рейгард словно прочел мои мысли.

– Они сели через служебный вход, чтобы не мучить больную ожиданием.

Мне показалось или в голосе мельранца звучало участие?

– А врачи? – встрепенулась я.

– Фаскраф скоро будет, медсестры на месте.

Он говорил деловито и взволнованно одновременно, словно отвечал хорошо заученный урок очень строгому и придирчивому педагогу. Я удивленно посмотрела на Рейгарда и вопрос сорвался с губ сам собой.

– А почему бы тебе не объявить Мелинду своей беременной невестой? А я останусь на Земле? А? И хлопот меньше и заботы...

И снова этот взгляд. Словно я его оскорбила, унизила. Снова эти поджатые губы и хмурое, потемневшее лицо.

Мельранец отступил на пару шагов, будто внезапно вспомнил про дистанцию.

Я ожидала возражений, возмущений, объяснений. Да хоть чего-то! Но Рейгард молчал, не сводя с меня пронзительного синего взгляда. И я чувствовала, как решимость тает, как странно сосет под ложечкой, и время замедляет ход. Внутри разливалось тепло, сердце припускало быстрее, а голова стремительно пустела.

Да что со мной такое? Я тряхнула головой, сбрасывая наваждение. Мельранец не шелохнулся – замер каменной глыбой.

– Яаа... требую... от-ве-та, – выдавила через силу.

Грудь Рейгарда вздымалась мехами, он все еще ни разу не сморгнул, лишь судорожно сглатывал и скрипел зубами.

– Ты... я... – мельранец слегка охрип, и говорил с таким придыханием, словно не стоял столбом, а бежал куда-то сломя голову. – Что за идея? – наконец сложил он связную фразу. – Ты хоть понимаешь, что моя семья первым делом заказала бы ДНК-тест? А наши тесты не чета вашим, и отцовство брата определили бы сразу.

Черт! И почему я сама об этом не подумала? В голове воцарился кавардак. Вроде бы он говорил правильные, справедливые вещи. Но почему так волновался? Почему так отреагировал на мой, вроде бы, невинный вопрос? В нем же не было ничего зазорного!

Рейгард рубанул руками по воздуху, подскочил и вдруг схватил меня за плечи. Каменные руки приковали к месту, но боли не причиняли.

Мельранец наклонился, и его тяжелое дыхание обдало лицо жаром. Снова эти синие глаза. Такие глубокие, такие чистые... Губы... жесткие и чувственные... И голос... бархатистый, низкий... от которого вибрирует каждая клетка.

– Хотел бы я знать, почему тебе претит лететь со мной? Гостить у самой знаменитой и богатой семьи Мельраны? В конце концов, не каждый дипломат получает разрешение прожить на моей родине больше суток! Среди людей – так вообще единицы! Или это я тебе так не нравлюсь? Интересно только чем? Не я обидел твою подругу! Не я сбежал! Я согласился

помочь... Какого... Почему ты так? – его голос сорвался на хриплой ноте. Мельранец замолк и крепко стиснул челюсти. Я снова услышала, как скрипнули его зубы. Странно... я совсем не понимала, что между нами происходит. Откуда эта бешеная вспышка эмоций? Я ведь его почти не знаю, да и он меня тоже.

И это странное посасывание под ложечкой...

Я что, положила руку на его грудь? Рейгард вздрогнул, внезапно шагнул ближе. Ладонью я ощущала, как бухает его сердце – быстро, неровно.

– Я просто не люблю делать то, чего не понимаю, – собственный голос показался слишком взволнованным, дрожащим.

– Нечего тут понимать, – Рейгард резко отпустил меня, отступил еще и еще. И вместо облегчения душу заполнило разочарование. Я вдруг почувствовала, как не хватает жара взбудораженного мужчины, его сумасшедшего пульса под пальцами. И как хочется снова ощутить твердые руки на своих плечах. Пустота разливалась внутри и стойкое ощущение потери. Еще одной, очередной...

Рейгард повернулся ко мне в полоборота, покосился и заговорил все также хрипло, как и прежде.

– Лиса, я приношу извинения. Не стоило так себя вести. Я поддался эмоциям. Я...

Он осекся, прыгнул на меня как лев на антилопу, и мы повалились. Но с металлом пола я так и не встретилась. Рейгард обхватил и прижал к своему горячему телу, удерживая в миллиметрах от пола одной рукой и опираясь на другую. Акробат, не иначе!

Да что же он творит-то? Какого...

Не успела разозлиться, над головой пролетел плазменный сгусток. И следом, сразу еще два.

Раздался топот, вскрикнул охранник. Десятки ног загрохотали по металлическому полу.

Рейгард поднял меня на руках – быстро и легко, словно пуховую перину и вскочил на ноги. Я успела ухватить взглядом плазменный сгусток. Он пересек зал, добрался до стены и взорвался. Огненные языки, молнии выстрелили во все стороны. По стене словно расплзлась толстая оранжевая паутина и сразу же исчезла без следа.

По счастью пассажиров поблизости уже не было. Трое охранников в темно-синих рубашках и брюках с фиолетовыми лацканами отгоняли зевак от места взрыва.

Молнии искрились в воздухе еще несколько секунд, то погасая, а то вспыхивая вновь. Такого я еще не видела. Зато наслушалась вдоволь. О новом оружии, секретном и, конечно же, мельранском говорили по всем новостным каналам. Какая-то свернутая в пространстве плазма. Вырываясь на свободу она рассыпалась множеством разрядов.

В ужасе прижалась я к груди Рейгарда, а он баюкал как ребенка.

Я даже не сразу сообразила. Лишь спустя несколько секунд, когда прошло оцепенение и сердце перестало гроыхать в ушах, перевела взгляд на мельранца... Он держал меня, прижимая к груди и слегка покачивая.

– Лиса, все хорошо... Лиса...

Не успела ответить, к нам подскочили двое мельранцев из службы безопасности. А я-то гадала – зачем нужны инопланетники в охране нашего телепорта.

Они были раза в полтора крепче Рейгарда, хотя еще недавно я с трудом такое представляла.

– Все в порядке? Вы не пострадали? – затараторил один из безопасников – с ярко-травяными глазами и рыжими веснушками по всему лицу. Его квадратная челюсть казалась даже шире, чем лоб и смотрел парень на Рейгарда ну прямо как на божество.

Второй – немного лопухий, с удивительными темно-фиолетовыми глазами и вовсе потупился, изучая пол, хотя и выглядел заметно старше первого. Морщины пересекали его бледный

лоб и лучиками расходились в уголках глаз. Верхушка правого уха словно оплавилась и зажила уродливым шрамом, похожим на медузу.

Впрочем, я прекрасно знала – на Мельране неважно – сколько тебе лет и чего ты добился в жизни, главное – сколько титулов ты получил от рождения.

Нисколько не смущаясь, Рейгард продолжал крепко прижимать меня к себе, словно это самое естественное из всего, что может произойти. Безопасники стреляли любопытными взглядами – быстро и профессионально. Но ни один не решился посмотреть прямо.

– Мы не успели задержать нарушителя, – виновато продолжил после недолгой паузы зеленоглазый. – Он умудрился сбежать на одном из транспортников.

Рейгард скривился, словно проглотил лимон, окатил парня презрительным взглядом и выплюнул:

– Конечно! Архисложно поймать одного мерзавца с плазменным пистолетом последнего поколения. Кто вообще пропустил его на транспортник?

Меня поразила разница между тем Рейгардом, с которым мы только что беседовали – вежливым, внимательным и нынешним – высокомерным снобом. Безопасник поджал губы, потупился и процедил сквозь зубы:

– Он явно был не один. Один злоумышленник зарегистрировался на транспортнике ВИП-класса. А другой загримировался под него или очень на него похож. Документы у них были одинаковые и подделаны так хорошо, что здешние сканеры не среагировали. Потом тот, что стрелял, сел в транспортник, а второй отвлек охрану.

– Ну и где же этот второй? – почти выплюнул Рейгард, все больше меня поражая.

– Ушел, – очень тихо произнес зеленоглазый. – Возле телепорта его ждала машина.

– То есть вы не в состоянии догнать одного злоумышленника? – все больше распалялся Рейгард.

– Он улетел на специальной машине, – прошипел зеленоглазый, тем не менее, не поднимая взгляда от пола. – На сверхскоростной, новой модели. Она меняет цвет и габариты во время поездки.

– А номера запомнить было нельзя? – ноздри Рейгарда раздувались, губы вытянулись в жесткую линию. И мне все меньше нравилось то, как он отчитывает безопасников, как ставит себя выше них.

– Номера мы записали. Но, скорее всего, их снимут в ближайшие минуты.

– Код ДНК?

– Считан. Но, похоже, на злоумышленниках были специальные костюмы с силовым полем. Они мешают сканеру получить полные данные. А по нынешним придется арестовывать десятую часть населения Мельраны.

Рейгард нахмурился и воззрился на безопасников испепеляющим взглядом.

Парни застыли, словно ожидали его разрешения уйти или остаться или охранять нас до отлета. А мне становилось все неприятней и неприятней.

Рейгард грубо отчитывал безопасников, которые только что рисковали ради него жизнью. Обращался с охранниками так, словно они – бесправные рабы, обязанные кровью и потом отвечать за любой промах. Я настолько увлеклась беседой, рассказами о таинственных убийцах, что совершенно забыла о неловкости ситуации. Я ведь все еще сидела на руках у Рейгарда, а он прижимал так, словно имел на это право.

Но едва собралась потребовать отпустить, как мельранец скомандовал безопасникам:

– Расследование продолжать. Пустить на это все наземные мельранские силы. Обо всем, что узнаете докладывать мне лично. Ясно?

Ого! Да у него замашки генералисимуса!

Приказы Рейгарда, его пренебрежительно-повелительный тон и взгляд хозяина плантации на презренного раба, все больше меня бесили.

Безопасникам они тоже доставили мало приятных минут. Парни поджали губы, поморщились и унеслись прочь.

Я смотрела на мельранца и не узнавала своего странного, но вежливого спутника. То, как он обращался с безопасниками... это же... ни в какие ворота! В голове вертелась сотня возмущенных, оскорбительных фраз. Но мысли о Мелинде останавливали меня, заставляли ругательства намертво прилипать к языку. Что если Рейгард взбрыкнет, что если оставит подругу без помощи из-за моей неосторожной вспышки эмоций? Я смотрела в его лицо, пытаюсь угадать настроение мельранца, из последних сил сдерживая так и рвущийся наружу гнев. А Рейгард... он и не думал ставить меня на пол.

Прижал и странно напрягся. Весь как-то даже набычился, наклонился. Губы приоткрылись, синие глаза впелись в мое лицо. Он опять неотрывно изучал меня, не давая даже вдохнуть, как следует в своей стальной хватке.

– От-пус-ти, – сквозь зубы процедила я. Думала, мельранец вспылит, разъярится, но он... удивился? Да, брови Рейгарда выползли на лоб. Он осторожно поставил меня на пол, близко-близко, наклонился к лицу и тихо спросил:

– Что случилось? Я сделал тебе больно?

Я отшатнулась, набрала в грудь побольше воздуха, собираясь высказать ему пусть не все, но хотя бы часть того, что думаю.

По счастью, рядом с нами очень вовремя вырос зеркальный вход в портал на транспортник. Из него неторопливо выехал серый, металлический трап и звонко ударился об пол. Лестница дрогнула и выстрелила наружу высокие тяжелые перила.

Я решила, что это мой шанс успокоиться, не наговорить мельранцу лишнего. Развернулась и бросилась внутрь. На секунду серебристая поверхность входа ослепила меня. Но почти сразу же вокруг выросли корабельные стены. Ух, ничего себе! Рейгард развернулся не на шутку!

Я очутилась на борту громадного новенького транспортника, выстроенного по новейшим технологиям. благородно-синее покрытие на стенах казалось настоящим бархатом, хотя я точно знала, что делается оно из специальной высокопрочной синтетики. По широкому коридору с множеством темно-стальных каютных дверей разливался цветочный запах. Не приторный, мягкий, сладковатый, он успокаивал и бодрил одновременно.

С высоких потолков освещали транспортник сотни светильников, похожих на мерцающие синие камушки. Все здесь было сделано с размахом, но не вычурно, дорого, но не безвкусно.

Услышав за спиной твердую поступь Рейгарда, я рванула в первую попавшуюся каюту.

Ого! Тут тоже нашлось чему подивиться!

Экран-окно показывало участки космоса – те, которые мы пролетали, те, которые нам предстояло пролететь и даже те, что располагались чуть поодаль.

Пульт, черневший на одноногом серебристом столике, в самом центре каюты, позволял переключать изображение и даже регулировать его масштабы.

Я могла детально рассмотреть планету или звезду, туманность или метеорит.

Оценить форму орбиты и даже поверхность космического тела.

Кровать, громоздившаяся справа от входа, вместила бы шесть мельранцев. Льняное постельное белье – темно-синее с желтыми звездами и полумесяцами – пахло ландышами. Возле столика возвышались не стулья – громадные серебристые кресла, в которых вполне можно было прикорнуть.

Стальная дверь привела меня в отделанную светло-голубым кафелем ванную. Справа от нее высилась белая душевая – конечно же, на троих мельранцев. Справа – раскинулась ванная, с ручками, ступеньками для ног и даже с гелевой подушечкой для головы. Глубина ее регулировалась. Хочешь – плавай, хочешь – лежи под теплым покрывалом воды.

Про батареи тюбиков со средствами для кожи и мытья на синей пластиковой полке, над белоснежной раковиной, вообще молчу.

– Лиса! – голос Рейгарда вывел меня из оцепенения.

Я выскользнула из ванной и застала мельранца посреди каюты. Он снова изучал меня. Снова!

– Да что случилось, черт возьми? – вспыхнул так внезапно, что я аж вздрогнула. И прежде чем успела ответить, подскочил, схватил за талию, и прижал к стене. Запах смоляного клея приятно пощекотал ноздри.

Мельранец наклонился так, что наши носы почти касались друг друга. Его горячее возбужденное тело казалось таким мужским, таким сильным... Смятение разлилось внутри, сердце застучало чаще, в животе потеплело.

Я не хотела так себя чувствовать! Но чувствовала и ничего не могла с этим поделать.

– Отвечай! Что происходит! – потребовал Рейгард почти также, как недавно требовал отчета от безопасников. И я не сдержалась, сорвалась.

– Ты еще спрашиваешь? Инопланетник чертов! Думаешь ты самый лучший? Весь из себя такой аристократ, бог и царь?

Он слегка отклонился, закрыл рот и замолчал. Удивление промелькнуло в синем взгляде, брови приподнялись.

– Ты о чем, Лиса? – осторожно спросил мельранец.

– О чем? Да о твоих вопросах охранникам! Ты вел себя с ними как... как... как...

Я прикусила губу, в ужасе думая, что вот сейчас он вышвырнет меня наружу, а заодно и Мелинду тоже. Настолько изменилось лицо Рейгарда. Ноздри начали раздуваться, глаза метали молнии.

Он набычился, и мускулы забугрились под одеждой.

Несколько секунд мы стояли неподвижно. Мельранец молчал, не сводя с меня свирепого взгляда. А я... я не знала что и думать. Ругала себя на чем свет стоит. Ну вот какого черта мне всегда больше всех надо! Зачем тыкать высокомерного засранца в его хамские поступки? Разве это сейчас важно? Важно спасти Мелинду! Все остальное... нужно просто перетерпеть... выдержать...

Пауза продлилась несколько секунд. Горячие руки Рейгарда почти обжигали талию, тяжелое дыхание щекотало лицо, синие глаза яростно сверкали.

Наконец, мельранец отскочил, выпустив меня на волю.

Метнулся к одной стене, к другой, сделал несколько кругов по каюте – благо она позволяла разбежаться – и застыл соляным столбом.

Прищурился, буравя меня привычно внимательным взглядом и выплюнул:

– Землянка! Да откуда ты знаешь – как я должен с ними разговаривать? Какого черта ты берешься судить о том, чего не понимаешь?

Казалось, между нами такое напряжение, что секунда, другая – и воздух взорвется сотнями молний.

Изнутри поднималась незнакомая ярость. Мне хотелось врезать ему. Подскочить, вдавить, как следует по лицу за презрительное высказывание о землянках, за горделиво вздернутый нос, за пренебрежительно искривленные губы.

Сама не понимаю – почему меня это так задело, так выбесило. В груди колотилось все быстрее, злые слова вертелись на языке. Хотя, если вдуматься – да какая разница? Главное – спасти жизнь Мелинды! Не замуж же мне за Рейгарда выходить! Пусть думает что хочет! Но все внутри протестовало против высказываний и тона мельранца. Каждая клетка звенела возмущением.

Рейгард насупил, прищурился и снова гипнотизировал. Губы его скривились, а тело казалось каменным валуном.

– Возможно, я землянка, грязь под вашими, высокородными мельранскими ногами. Но не смейте при мне унижать других! Они работали, они старались нас спасти! А вы...вы...

Я сама испугалась собственного безрассудства. Вот сейчас он уж точно расшвыреет, вышвырнет меня с Мелиндой из корабля. Господи! Что я творю! В груди клокотало, влажные ладони сжались в кулаки.

Рейгард помедлил, не двигаясь, не выпуская моего взгляда. И вдруг бросился к двери.

– Ты не понимаешь, о чем говоришь, – выдохнул как-то расстроено, устало, и скрылся за порогом каюты, бросив через плечо: – Я не собирался тебя обидеть. Ты сама себе придумала.

Глава 5

За сутки пути мы с Рейгардом почти не виделись. Лишь мельком пересекались возле медотсека, где лежала Мелинда. Складывалось впечатление, что как только я там появлялась, мельранец немедленно уходил.

Мы обменивались странными, долгими взглядами. И, казалось, как в тот первый раз в клубе, время замедлялось, останавливалось, и оставались лишь мы, отрезанные от всего мира.

Но потом Рейгард словно бы вспоминал что-то важное. Резко разворачивался и уносился прочь.

Мелинде становилось все хуже.

В первые часы полета она еще держалась. Полусидела на громадной кровати, с поднимающейся спинкой, нервно шутила, что ребенок выжал из нее все соки. А в голубых глазницах стояли слезы и страх. Она боялась будущего, того, что недолго протянет.

Бледные губы бантиком дрожали, но складывались в грустную улыбку.

Тихо посвистывал, мигая сотнями лампочек черный прибор жизнеобеспечения, размером не больше моего старого ноутбука.

На экране плясали точки и кривые, высвечивались цифры анализов.

Все делалось на расстоянии. К подруге лишь подключили несколько датчиков. В виде белых браслетов на руках и ногах, кольцо – на шее и клипсов на ушах.

Мельранцы продумали все. Их медицинские технологии ушли очень далеко от земных, и делиться с нами высокомерные засранцы не торопились.

Весь день я металась в какой-то лихорадке между медотсеком и своей каютой, навещая подругу почти каждые два часа. И видела изменения.

Все темнее становились круги под большими глазами, все с большим трудом поднималась Мелинда с постели. Все чаще ее рвало кровью, и все реже она улыбалась – пусть даже так, как пару часов назад – через силу, через боль.

К концу дня подруга лежала пластом, кожа ее посерела, а глаза запали. Тонкие пальцы вздрагивали, когда она принимала чашку из моих рук или пыталась изобразить какой-то жест.

Губы пересохли, голос осип, стал тихим-тихим, как шелест листьев на ветру.

Казалось, Мелинда тает с каждой минутой, с каждым часом, как снежная фигурка весной. Вот она еще здесь, а приди через три часа и перед тобой рассыплется пеной крошечный белый бархан.

Мелинда с трудом поворачивала голову и больше не пыталась улыбаться.

Скрипя зубами, я рассказывала ей, какую странную планету увидела в окно каюты. Похожую на очень вытянутый овал, с кратерами, усыпанными по краям золотистыми иглами. Мелинда безразлично лежала, словно и не слышала, словно была уже не здесь, не со мной.

Я пожала ее холодную ладонь. Пальцы подруги вздрогнули в ответном жесте.

Не в силах находиться рядом с ней, такой беспомощной и несчастной, я пулей вылетела из каюты. Пронеслась по коридору и остановилась где-то. Прислонилась к стене и сползла по ней, обхватив колени руками.

Слезы обожгли глаза, щеки защипало. Подавить всхлипывания не получалось. Я зарылась лицом в колени и зашла в слезной истерике.

Безысходность давила на грудь, сердце замерло.

Неужели я останусь совсем одна? Неужели я и ее потеряю?

Внезапно чьи-то теплые руки легли вначале на голову, потом осторожно переместились на плечи, пожали их, словно подбадривая.

– Она дотянет, Елисса, – послышался низкий, утробный голос Рейгарда.

Я подняла лицо и встретилась с ним взглядом.

Синие глаза смотрели с такой нежностью, словно я не непрощенная невеста, землянка, без роду и племени, а его жена, любимая...

Мельранец опустил на пол, одним жестом обхватил меня всю, пленил кольцом рук, прижал и опалил ухо жарким дыханием.

– Я уточнял у наших врачей. Из клиники, – срывающийся шепот Рейгарда щекотал щеку. – Мы только что выслали им ее показатели. Фаскраф настоял. И нам сказали – до высадки продержится. Говорили, у нее еще не самый тяжелый случай...

Слова долетали до меня словно во сне. Горячее тело Рейгарда окаменело, прижалось к моему. Тяжелое дыхание становилось все жарче.

Рейгард помолчал, а потом почти взмолился:

– Лисса? Ну скажи что-нибудь? Не молчи...

Слова не шли из пересохшего горла. Язык одеревенел. Я по-прежнему видела Мелинду. Изможденную, посеревшую, слабую, как младенец.

Рейгард обнял крепче и... поднял меня на руки. Пошел куда-то... но уже через пару поворотов стало ясно – мельранец направился в мою каюту.

Осторожно уложив меня на кровать, Рейгард вызывал биобота obsługi.

Вернулся ко мне и... корабль трянуло. Меня подбросило на кровати на добрых две ладони. Рейгард подскочил и первым делом придержал меня.

Нас трянуло еще раз и еще. Где-то сбоку раздался сильный хлопок. Не сразу сообразила я, что это взрыв. Лишь когда грохот наполнил каюту, а следом за ним под дверь начали просачиваться стебельки серого дыма, стало ясно – на нас напали. Но кто? Зачем? Не припомню ничего такого с тех пор, как райгуссы – люди-птицы – атаквали землян невдалеке от своей звездной системы, приняв транспортник за военное судно. А было это лет шестьдесят назад.

Тогда ошибка паникера-диспетчера, который забыл о внеочередном рейсе, и перепугался, что штурмуют планету, стоила жизни сотням людей. Но сейчас... Кому понадобилось бомбить плазменными пушками безобидный мельранский транспортник?

Я сжалась в позе зародыша, не в силах двинуться с места. Сердце тяжело бухало в груди, больно ударяясь о ребра. Влажные ладони заледенели, холодная волна прошла вдоль позвоночника. Где-то там, на задворках сознания билась мысль, что надо куда-то бежать, спастись. Но тело не слушалось, а сила воли покинула меня.

Рейгард смачно выругался – сначала на нашем языке, а потом и на своем. Эти слова Мелинда не раз произносила вместо нашей нецензурной брани. Говорила, они мелодичней, красивей что ли. И не скажешь что ругательства.

Мне все эти: «Лилладрис! Омикрал! Сванда!» казались еще хуже русского мата. Но я терпела, ради Мелинды и ее счастья. И... вот дотерпелась.

В воздухе запахло гарью, в глазах зашипало. Я закашлялась, зажмурилась и сжалась еще сильнее. Даже мышцы свело.

Вдруг кто-то – Рейгард, конечно, этот свежий, чуть сладковатый запах и эти стальные объятия ни с чем не спутаешь – подхватил, и куда-то понес.

Вначале дышать стало совсем нечем. Глаза жгло так, словно к ним подносили пламя. Я кашляла, не переставая, дергалась и тряслась в руках мельранца похуже, чем в больнице.

Но вскоре внезапно полегчало. Воздух посвежел, слезы на глазах высохли, жжение прекратилось.

Я с трудом разлепила свинцовые веки.

Мы с мельранцем явно находились в другой части корабля, неподалеку от отсека obsługi, в новенькой каюте, точной копией моей прежней. Вокруг суетились три мужских биобота, таща мой гардероб с вещами и застилая кровать. В одинаковых джинсах и рубашках они очень

походили на людей. Высокие, но ниже Рейгарда, худощавые, но жилистые, с немного женственными, но резковатыми чертами. Как и в прежние путешествия на кораблях телепорта, биоботы напомнили мне людей из старых компьютерных мультиков. Вроде бы и черты лица разные, и телосложение отличается, и даже волосы лежат неодинаково. Но ни шерстинки на лице, ни единой настоящей асимметрии. Ну и цвет глаз явно нечеловеческий – у одного фиолетовый, у другого – темно-синий, у третьего – оранжево-карий.

Едва на кровати оказалось голубое одеяло в больших желтых звездах и четыре подушки в таких же наволочках, Рейгард осторожно уложил меня и обратился к биоботам.

– Нам срочно нужно успокоительное, еда и теплый травяной чай. И побыстрее! – он командовал как рабами на плантации. Разве что кнутом не стегал. Биоботы безразлично кивнули и выскользнули из каюты.

Я замерла на кровати, не зная – то ли обругать Рейгарда последними мельранскими словами, то ли поблагодарить. В последнее время эти желания рядом с ним неизменно шли рука об руку. Я все больше убеждалась, что сказки о чудесном мельранском высшем обществе – демократичном, высокоразвитом – не более чем удачный пиар. И на самом деле пропасть между социальными группами на Мельране намного шире, чем мы, земляне могли вообразить. Возможно, даже шире, чем между нашими древними королями и безродными нищими.

От этой мысли мне захотелось срочно сойти с корабля. Боже! Представляю, какотреагирует на меня великосветское мельранское общество. Я резко села на кровати, обхватив ноги руками и уставилась на Рейгарда, который молчаливо наблюдал своими синими глазищами.

– Ты, правда, считаешь, что земляне – ниже рабов у наших древних плантаторов? – спросила в лоб.

На долю секунды Рейгард остолбенел. Сердце больно сжалось в груди. Почему я так переживала? Я не понимала или не хотела понимать.

Рейгард придвинулся, медленно, словно удав на охоте, не сводя с меня синего взгляда.

– А ты, правда, не понимаешь? – спросил почти с вызовом. Синие глаза сверкнули, губы дрогнули то ли в усмешке, то ли в презрительной гримасе. – Лиса! Давай начистоту! Я наблюдал за тобой, все то время, пока Мелинда встречалась с братом. Я... я... – он осекся, отвел глаза и уставился в окно. Мимо неторопливо плыла серебристая планета, с острыми, как иглы, шипами-утесами. Между ними змеились голубые нити рек.

– Я... Ты... ты привлекла меня, сразу. Но я понимал, что никакие отношения между нами невозможны! Невозможны для нашего общества. Да и как они возможны? – мельранец все еще не смотрел в глаза, окаменел и ссутулился. – Ты, то есть не ты, любая землянка – вы же низшая ступень эволюции, по сравнению с нами. Любая наша безродная – куда лучший союз. Куда меньший шанс возмущения в обществе. Связаться с землянкой для мельранца все равно, что для человека связаться с... обезьяной... с маргышкой... Ты понимаешь? – внезапно и резко он поймал мой взгляд. Я вздрогнула, в ушах громыхал пульс, возмущение рвалось наружу сотней оскорбительных фраз. Мельранец вздохнул – тяжело и обреченно. – Я пытался забыть тебя. Нашел невесту – одну, другую. Ровню мне и даже чуть выше, принцессу. Но даже в постели с ними я звал тебя и думал о тебе. И когда с Мелиндой случилось... а ты появилась в нашем клубе... когда Парсифт схватил тебя, попытался... – Рейгард сплюнул и оскалился – как хищник. – Я понял, что ты моя. И как бы низко не пришлось пасть... я не могу тебя отдать. Никому другому. Даже если ради этого придется пожертвовать не только родовой гордостью, но и расовой. Не могу...

Он замолчал, замер, не сводя взгляда, и вдруг набросился, впился в рот губами. Властно, по-хозяйски. Так словно я что-то должна.

Я забилась, замолотила мельранца по плечам. Но он неотреагировал. Раздвинул губы языком и углубил поцелуй.

Тепло разлилось в животе, в голове плыл сладкий туман, и это взбесило меня еще сильнее.

Я сжала зубы, прикусила мельранцу язык. И отпустила. Он отпрянул, вскочил как ужаленный и застыл. Тяжелое дыхание Рейгарда заглушало мой собственный пульс в ушах – а он звучал ошалелым гонгом.

– У-би-рай-ся! – прыснула я в лицо мельранца. – Не буду я твоей невестой! Никогда! И посмей только бросить Мелинду! Убью, собственными руками!

В ладонях заплясали электрические разряды. Зашипели, заискрили, потрескивая.

Я вскочила, приблизилась к Рейгарду. Но он и бровью не повел.

– Слышишь ты, мельранская сволочь! Если еще раз сравнишь меня или другую землянку с обезьяной, я тебя...я...

Рейгард выдохнул, словно давно и долго бежал. Схватил меня и прижал, трясаясь от полученного тока. Волосы его мгновенно встали дыбом. Темно-синяя рубашка на плечах обуглилась в тех местах, которых коснулись мои пальцы. Сквозь пропалины в дорогущей, натуральной ткани, приятной как шелк и струящейся как трикотаж, я увидела ожоги на загорелой, золотистой коже Рейгарда. Казалось, он ничего не чувствует. Вообще ничего.

Запах паленой кожи, волос пощекотал ноздри.

А мельранец продолжал сжимать меня так, словно окаменел. Шипел, скрипел зубами и не говорил ни слова.

Несколько секунд я боролась с его стальной хваткой, отправляя в тело Рейгарда разряд за разрядом. В груди клокотало, в висках пульсировало.

Наконец, мельранец захрипел, рухнул на колени, но меня так и не выпустил. Пришлось присесть вместе с ним. Рейгард несколько раз тяжело вздохнул, отпустил, резко встал и пулей вылетел из каюты.

Оставил после себя запах паленой кожи, волос и бешенство. Разряды все еще бегали по рукам. Я заметалась по комнате, как раненый зверь и едва не сбила с ног биобота – он принес еду и чай.

Темноволосый парень с бирюзовыми глазами, в черной джинсовой двойке ловко обогнул меня и принялся быстро сервировать стол. Его руки прямо-таки летали, а фигура при этом выглядела расслабленной. Вот что значит биотехнологии! Мне бы так!

– Поврежденные каюты ремонтируются, – равнодушным голосом поведал биобот. – Транспортник пострадал от выстрела плазменной пушки, но повреждения поправимы.

В воздухе запахло тушеным мясом с овощами и мелиссой.

Не дав мне опомниться, биобот развернулся и стремительно покинул каюту, словно опасаясь расприсосов или смачных комплиментов Рейгарду.

А мне хотелось разнести тут все в пух и прах. Не мудрено, что Рейгарда пытались взорвать! Я и сама с наслаждением взорвала бы его, и не раз и не два!

Господи! Как же я его ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Я резко остановилась. За окном медленно плыли метеориты, словно стая гигантских доисторических рыб. Я знала, что корабль вне досягаемости. Кнопка над экраном, под самым потолком, горела красным, а это значит – мы внутри «кротовых нор». Но ощущения были изрядными.

Громадные камни, изъеденные рытвинами, ошестившиеся острыми сколами, пролетали мимо, порой в опасной близости от корабля. И чудилось мне, что вот-вот они мазнут по окну. Проскрежешут, разрежут пластик, и транспортник расколется на части.

Я остановилась, сжимая кулаки и чувствуя себя воздушным шариком, из которого резко выпустили воздух. Злость ушла, как вода в песок. В висках пульсировало, но не от ярости, от страха. Я вспомнила про нападение. Господи! Я ведь даже не уточнила – целы ли отсеки

жизнеобеспечения, долетим ли мы вовремя! В порядке ли Мелинда? Боже! О чем я только думаю?!

Запоздало пришло раскаяние. Я думала только о себе, о том, как относится ко мне мельранец. Да какое мне вообще до этого дело? Разве я полетела с Рейгардом ради того, чтобы стать его невестой? Разве мне не плевать на его высокомерие? Разве не самое главное спасти Мелинду?

Сердце больно екнуло. Перед глазами стояло лицо Рейгарда, в ушах гремели его слова «Связаться с землянкой для мельранца все равно, что связаться с... обезьяной... с мартышкой...» И каждое слово болью отзывалось в груди. Щемило, кололо, резало на части.

Да что же такое-то! Ну-ка Лиса, возьми себя в руки! Нашла время раскисать.

Мелинде все хуже, транспортник под обстрелом, намерения Рейгарда непонятны. А ты... ты думаешь о его синих глазищах... Наглых, мерзких синих глазищах... его голосе, от которого все внутри замирает, и слабеют колени. О его жарком теле, так близко...

Я тряхнула головой и плюхнулась на кровать, поближе к столику. Надо выпить травяного чая. Хотя сейчас я не отказалась бы и от чего-нибудь покрепче. Когда я последний раз пила вино? Год назад? Два? Кажется, два. Сейчас я бы выпила.

В дверь постучали. Я вся напряглась, в ужасе представляя, что это мерзавец Саркатта приперся ко мне, чтобы сказать, что передумал на счет Мелинды. И что придется умолять его, упрашивать... Меня едва не вывернуло наизнанку. Спас только монотонный голос биобота:

– Простите?

Вот странные создания! Несколько минут назад его коллега вошел, не предупреждая, не интересуясь – одета ли я, готова ли к гостям. А теперь такие цацканья.

– Да, – предложила я незваному гостю высказаться.

Вошел белокурый и зеленоглазый биобот в голубой джинсовой двойке и безразлично произнес:

– Рейгард Саркатта просил передать, что Мелинду определяют в лучшую клинику. Но вы обязаны выполнить договор хотя бы в части присутствия в его замке и сопровождения на приеме. Больше он ничего не просит.

И прежде чем я успела высказать все, что думаю о Рейгарде Саркатта, обо всех его просьбах разом, и каждой по-отдельности, биобот кивнул и вышел вон.

Глава 6

Остаток дня я провела в своей каюте. Каждый час заходил все тот же белокурый биобот и монотонно сообщал, что состояние Мелинды стабильно-тяжелое, но не критическое.

Около десяти вечера он заглянул снова, извинился и доложил, что высадка на Мельрану состоится завтра, в двенадцать дня.

Попросил не беспокоиться о багаже и вещах, и больше не возвращался.

Часа два я ворочалась в просторной постели, не в силах уснуть. В голове снова и снова прокручивался наш проклятый разговор с Рейгардом – тот самый, в котором он назвал землянок мартышками. И мне ужасно хотелось врезать мельранцу. Ворваться в каюту к высокомерному аристократишке, расписать кулаком на его лице и еще раз и еще. Снова шарахнуть его током. Но одновременно в душе разливалось странное тепло и благодарность. Ведь позаботился. Понял, что я не в силах идти к Мелинде, прислал биобота, напомнил о времени высадки.

Кто ты, Рейгард Саркатта? Мужчина, на которого можно положиться или избалованный мальчишка, который привык получать все, что захочет?

Как тебя понимать? Как воспринимать твои слова: «Я не хотел, чтобы ты принадлежала другому»? Я для тебя игрушка, вещь? Домашний питомец?

От стука в дверь я вздрогнула. Думала, зайдет биобот, но в комнату просочилось трехмерное изображение. Скорее всего, его спроецировали из-под двери, каким-нибудь очередным суперновым мельранским устройством.

Я увидела Рейгарда – хмурого, серьезного и... взбешенного Галлиаса. Из его льдистых голубых глаз просто искры летели. Разговаривали братья в кабинете директора, в «Анубисе».

Вначале звука не было, но затем он резко включился.

– Ты не хочешь попытаться спасти ее? И своего ребенка? – в голосе Рейгарда удивление смешалось с осуждением. Галлиас поморщил красивый нос, отвел взгляд.

– Я... не могу... Я любил ее, понимаешь? – спросил с какой-то странной, незнакомой мне интонацией. – Она была моей женщиной. Но... я не могу. Семья не примет моего ребенка от землянки. Вчера я получил послание от отца. Он обещал отречься от меня, забрать все титулы... Я не могу...

– Ты любил ее? – в голосе Рейгарда зазвенел металл. – Да ты лишь пользовался ей! Как игрушкой! Ты вообще не знаешь, что такое любовь... – голос его сорвался, осип. Рейгард резко отвернулся, глядя в черноту неба за окном. Она вспыхивала звездами и витринами, словно естественные и искусственные огни пытались переспорить друг друга, пересветить.

Галлиас сжал кулаки и прыснул в спину брата:

– Я не знаю? А ты? Ты знаешь? Ты следишь за ней! Как она ходит за покупками, встречается с подругами. Как гуляет. Но даже не подойдешь... потому, что она тебе не ровня... Не тебе меня судить! Я хотя бы попытался! Отец не может лишить тебя ни наследства, ни титула. Ты Глава клана, старший сын, носитель родового титула. Но ты все равно не можешь себя пересилить...

Рейгард вздрогнул, поникли плечи.

– Не могу, – прошептал едва слышно. – Не хочу обрекать ее на роль изгоя, на роль клоуна в нашем обществе. Не хочу, чтобы кто-то смел смотреть на нее свысока!

– Кто-то? – злобно оскалился Галлиас. – Да ты сам смотришь на нее свысока. Или нет?

– Или нет, – шелестом долетело из-за спины Рейгарда. – Она ничем не хуже любой мельранской дворянки. Может даже и принцессы не хуже...

Галлиас запрокинул голову и резко расхохотался – издевательски, грубо.

– Да ты сам не веришь своим словам, – бросил почти зло и выскочил из кабинета.

Запись оборвалась, мигнула голубым и пропала.

Зачем он мне все это показал? Что хотел сказать?

Я снова погрязла в сомнениях, в недоумении. Но внезапно вдруг стало намного спокойней. Оскорбительное сравнение Рейгарда перестало больно отзываться в груди, пульсировать в висках бешенством.

Я выдохнула и уснула.

* * *

Проснулась я около девяти утра.

Торопливо привела себя в порядок – зубная щетка, мочалка, мыло и даже крема обнаружили в шкафчике, в ванной.

Накинула темно-синие льняные брюки, свободную голубую тунику и убрала волосы в косу.

Стоило закончить с моционом, на пороге появился темноволосый биобот – словно наблюдал или ждал, когда в каюте все затихнет.

Привычно быстро, ловко и почти не напрягаясь, сервировал столик для завтрака. Горячие бутерброды с рыбой и курицей, сырники и омлет источали чудесный аромат. К нему приешивался дивный запах черного чая с мелиссой и шиповником. Все как я люблю!

Похоже, Рейгард и впрямь за мной следил! Даже привычки изучить удосужился! Галлиас вон никак не мог запомнить, что у Мелиссы аллергия на чернику. Все отмахивался – мол, больно редкое заболевание, мельранцы такой «пакостью» не страдают. Подруга то и дело покрывалась сыпью от торта с ягодной начинкой или кекса. Неделями чесалась, мучилась, а ему хоть бы хны. Только плечами пожимал да руками разводил.

А Рейгард даже мои «чайные пристрастия» выяснил... Неожиданно...

Внутри странно потеплело, сердце пропустило удар.

Биобот не уходил, замер как солдат – руки по швам, ноги на ширине плеч – словно ждал чего-то.

Стоило поднять глаза, он почти поклонился и напомнил:

– Высадка через два часа. Больную перевезут сразу в больницу. Вас доставят в особняк Саркатта. Оттуда, если пожелаете, сможете навещать подругу в любое время дня и ночи. Приятного аппетита.

И прежде чем я собралась с мыслями, чтобы спросить – как навещать, на чем добираться, поедет ли со мной Рейгард, биобот еще раз поклонился и выскочил вон.

Я ела, почти не чувствуя вкуса, бездумно глядя в окно. Там, вдалеке висела в безвоздушном пространстве звездная система с пятью планетами. Три несимметричных коричневых шарика вращались по очень вытянутым, эллиптическим орбитам. Еще два голубых – по чуть более округлым. Звезда плевалась протуберанцами и сгустками плазмы.

Чуть дальше и правее серебрилась туманность, похожая на огромное облако.

Я допила чай, и осталась сидеть, наблюдая за сменой космических тел на экране. Все равно до двенадцати делать больше нечего.

На то, чтобы навестить Мелинду не хватало душевных сил. На то, чтобы встретиться с Рейгардом – тоже.

Слишком противоречивые эмоции вызывал мельранец. И, как ни странно, сегодня я чувствовала досаду, пожалуй, даже вину за то, что приложила его током.

Неужели сыграли злую шутку эмоции индиго?

Я почему-то всегда думала, что держу их под контролем. Да, порой здорово заносило. Но не настолько же!

Я, конечно, «девушка с огоньком» во всех смыслах, но чтобы палить мужчин... хм... такого за мной еще не водилось.

Я хихикнула, неуместно и странно. Вдруг вспомнилось, как держал меня Рейгард, из последних сил – тряся, обжигался, но держал.

А ведь он не отказался от Мелинды и от меня... не отказался... Напомнил об уговоре...

Внутри вдруг стало щекотно, тепло, захотелось увидеть Рейгарда, поговорить с ним по душам – без истерик, просто поговорить.

Но от одной мысли об этом сердце начинало биться испуганной птицей, а ноги деревене-
тели.

* * *

Ровно в двенадцать в дверь постучали. Я почему-то ждала Рейгарда. Напряглась, внутренне заметалась, прикидывая – что скажу ему, страшась встречи и радуясь ей, как ребенок. Сердце заколотилось, дыхание перехватило... я замерла, глядя на дверь... Но в комнату вошел все тот же биобот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.